Савинков Б. В.

Борьба с большевиками.

Варшава, 1920.

ИМЛ—Библиотека
ЦР
С 127

ЦР
С 127

Б. В. Савинковъ.

X

Борьба съ большевиками.

Изданіе Русскаго Политическаго Комитета.

ВАРШАВА
1920.

1 экз
705/39 01.
(047 33)

ЦР
С 127
БИБЛИОТЕКА
ин-та Маркса-Энгельса-Ленинизма
при ЦК КПСС
1087982

Библиотека ин-та
Маркса-Энгельса-Ленинизма
при ЦК КПСС
СПЕЦФОНД
сф
22724

„Литерацка“ типографія, Варшава, Новый-Свѣть 22.

2012

Въ Петроградѣ.

25* октября 1917 г. рано утромъ меня разбудилъ сильный звонокъ. Мой другъ, юнкеръ Павловскаго училища, Флегонтъ Клепиковъ, открылъ дверь и впустилъ незнакомаго мнѣ офицера. Офицеръ былъ сильно взволнованъ.

— Въ городѣ возстаніе. Большевики выступили. Я пришелъ къ Вамъ отъ имени офицеровъ Штаба Округа за совѣтомъ.

— Чѣмъ могу служить?

— Мы рѣшили не защищать Временнаго Правительства.

— Почему?

— Потому, что мы не желаемъ защищать Керенскаго.

Я не успѣлъ отвѣтить ему, какъ опять раздался звонокъ и въ комнату вошелъ знакомый мнѣ полковникъ N.

— Я пришелъ къ Вамъ отъ имени многихъ офицеровъ Петроградскаго гарнизона.

— Въ чемъ дѣло?

— Большевики выступили, но мы, офицеры, сражаться противъ большевиковъ не будемъ.

— Почему?

— Потому что мы не желаемъ защищать Керенскаго.

Я посмотрѣлъ сначала на одного офицера, потомъ на другого. Не шутятъ ли они? Понимаютъ ли, что говорятъ? Но я вспомнилъ, что произошло наканунѣ ночью въ Со-

---

*) Даты указаны по старому стилю.

Зах

вѣтѣ Союза Казачьихъ Войскъ, членомъ котораго я состоялъ. Представители всѣхъ трехъ казачьихъ полковъ, стоявшихъ въ Петроградѣ (1, 4 и 14), заявили, что они не будутъ сражаться противъ большевиковъ. Свой отказъ они объяснили тѣмъ, что уже однажды, въ іюлѣ, подавили большевистское возстаніе, но что Министръ Предсѣдатель и Верховный Главнокомандующій Керенскій „умѣетъ только проливать казачью кровь, а бороться съ большевиками не умѣетъ“ и что поэтому они Керенскаго защищать не желаютъ.

— Но, господа, если никто не будетъ сражаться, то власть перейдетъ къ большевикамъ.

— Конечно.

Я попытался доказать обоимъ офицерамъ, что каково бы ни было Временное Правительство, оно все-таки неизмѣримо лучше, чѣмъ Правительство Ленина, Троцкаго и Крыленки. Я указывалъ имъ, что побѣда большевиковъ означаетъ проигранную войну и позоръ Россіи. Но на всѣ мои убѣжденія они отвѣчали одно:

— Керенскаго защищать мы не будемъ.

Я вышелъ изъ дому и направился въ Маріинскій дворецъ, во временный Совѣтъ Республики (Предъ-Парламентъ). Я хотѣлъ посовѣтоваться съ покойнымъ нынѣ генераломъ Алексѣевымъ. По дорогѣ я узналъ, что Предъ-Парламентъ разогнанъ матросами, что многіе его члены арестованы, и что Керенскій поспѣшно уѣхалъ изъ Петрограда.

Выстрѣловъ нигдѣ не было слышно, улицы были спокойны, и я съ удивленіемъ замѣтилъ, что на Невскомъ, по обыкновенію, много юнкеровъ Военныхъ Училищъ. Я сдѣлалъ заключеніе, что юнкерамъ не было отдано приказаніе оставаться въ казармахъ и что, значитъ, ихъ нельзя будетъ быстро собрать, въ случаѣ нападенія большевиковъ на Зимній Дворецъ.

Я вспомнилъ рѣчь Керенскаго, произнесенную имъ наканунѣ. Онъ утверждалъ, что Временное Правительство приняло всѣ необходимыя мѣры для подавленія готовящагося возстанія.

На Милліонной я впервые встрѣтилъ большевиковъ— солдатъ гвардіи Павловскаго полка. Ихъ было немного, человѣкъ полтораста. Они поодиночкѣ, неувѣренно и озираясь кругомъ, направлялись къ площади Зимняго Дворца.

Достаточно было одного пулемета, чтобы остановить ихъ движеніе.

Генерала Алексѣева я разыскалъ только къ ночи. Штабъ Округа былъ уже занятъ, и Зимній Дворецъ былъ уже осажденъ. Его защищали добровольцы женскаго баталіона и немногіе юнкера.

Съ генераломъ Алексѣевымъ мы рѣшили сдѣлать попытку освободить Зимній Дворецъ. съ которымъ можно было еще сноситься по телефону.

Былъ 1-ый часъ ночи. Я пошелъ въ Совѣтъ Союза Казачьихъ войскъ, и мнѣ удалось убѣдить представителей казачьихъ полковъ и военныхъ училищъ собрать хотя бы небольшую вооруженную силу, чтобы попытаться дать бой осаждавшимъ Зимній Дворецъ большевикамъ.

Въ половинѣ второго ген. Алексѣевъ принялъ депутацію юнкеровъ и, переговоривъ съ ней, намѣтилъ планъ предстоявшихъ военныхъ дѣйствій.

Этимъ военнымъ дѣйствіямъ не суждено было осуществиться. Въ два часа ночи, раньше чѣмъ казаки и юнкера успѣли собраться, Зимній Дворецъ былъ взятъ большевистскими войсками. Члены Временнаго Правительства были арестованы. Защищавшіе ихъ женщины и юнкера были убиты. На другой день, 26, я получилъ извѣстіе, что ген. Красновъ идетъ на Петроградъ во главѣ казачьихъ полковъ, двинутыхъ съ фронта.

Я рѣшилъ пробраться къ ген. Краснову.

Я переодѣлся рабочимъ. Флегонтъ Клепиковъ тоже. Въ такомъ видѣ мы по желѣзной дорогѣ проѣхали въ Павловскъ. Отъ казаковъ сводно-гвардейской сотни мы узнали, что войска ген. Краснова находятся подъ Царскимъ Селомъ и что Керенскій въ Гатчинѣ. Чтобы присоединиться къ ген. Краснову, надо было пройти черезъ линію большевистскихъ войскъ.

Въ Царскомъ Селѣ мы наткнулись на заставу большевиковъ — броневой автомобиль и роту четвертаго гвар-

діи Стрѣлковаго полка. Въ одно мгновеніе мы были окружены.

— Кто ѣдетъ?

Не успѣли мы еще рѣшить, что намъ дѣлать, какъ Флегонтъ Клепиковъ уже выскочилъ изъ автомобиля, и я услышалъ, какъ онъ кричалъ на большевистскаго офицера, молодого человѣка въ разстегнутой шинели и безъ погонъ.

— Вы съ ума сошли! Кто вы такой? Какъ вы смѣете останавливать насъ? Развѣ вы не видите, кто мы и куда мы идемъ? Я буду жаловаться самому Троцкому! Мы — Совѣтъ Союза Казачьихъ войскъ и ѣдемъ къ генералу Краснову, чтобы убѣдить казаковъ не стрѣлять въ своихъ братьевъ большевиковъ!

— Вы ѣдете, чтобы прекратить братоубійственную войну? — переспросилъ Флегонта Клепикова большевистскій офицеръ.

— Конечно. И вы обязаны пропустить насъ!

— Не сердитесь, товарищъ. Вы свободны. Съ вами поѣдутъ два нашихъ полковыхъ делегата. Они вамъ помогутъ.

Я не вѣрилъ своимъ ушамъ. Но уже два „товарища“, два стрѣлка съ винтовками, влѣзали въ автомобиль. Черезъ 5 минутъ мы были у генерала Краснова.

Когда автомобиль остановился, я взглянулъ на сопровождавшихъ насъ делегатовъ. Они поняли свое несчастное положеніе и были блѣдны, какъ полотно. Я не захотѣлъ воспользоваться ихъ ошибкой.

— Ну, „товарищи“, налѣво кругомъ и бѣгомъ маршъ назадъ, къ вашимъ большевикамъ!

Они не заставили повторять приказанія. Бросивъ винтовки, они, какъ зайцы, побѣжали обратно. Я прошелъ въ штабъ ген. Краснова.

Въ Царскомъ Селѣ.

Въ Петроградѣ говорили, что у генерала Краснова 10.000 казаковъ. Въ дѣйствительности ихъ было 600. Но эти 600 человѣкъ были доблестные казаки.

Утромъ 28-го октября я былъ съ Флегонтомъ Клепиковымъ въ Гатчинской обсерваторіи у Керенскаго.

Я сказалъ ему, что пріѣхалъ изъ Петрограда, чтобы принять участіе въ борьбѣ съ большевиками. Керенскій выслушалъ меня и не далъ мнѣ никакого назначенія — я считался уже тогда „контръ-революціонеромъ“.

Я вернулся къ генералу Краснову и спросилъ его, почему Верховный Главнокомандующій находится въ такую отвѣтственную минуту не при отрядѣ, а въ Гатчинѣ, т. е. въ далекомъ тылу. Генералъ Красновъ мнѣ отвѣтилъ:

— Я просилъ Керенскаго уѣхать. Я боюсь, что рѣчи могутъ испортить дѣло.

Послѣдующее показало, что опасенія генерала Краснова не были лишены основанія.

Около 4-хъ часовъ дня генералъ Красновъ подошелъ къ Царскому Селу. На шоссе, у самаго въѣзда, собралось большое количество большевиковъ-стрѣлковъ Царскосельскаго гарнизона. Было видно, какъ они махали руками и было слышно, что они что-то кричатъ.

Это не были знакомые мнѣ когда-то дисциплированные полки. Это была вооруженная, нестройная и безпорядочная толпа. Генералъ Красновъ приказалъ поставить на шоссе 2 орудія и послалъ броневой автомобиль съ ультиматумомъ.

— Положить оружіе въ теченіе 5 минутъ.

Но не успѣли еще большевики исполнить приказаніе генерала Краснова, какъ сзади, со стороны Гатчины, показался автомобиль. Не останавливаясь и не обращая вниманія на стоящія на шоссе орудія, онъ въѣхалъ прямо въ толпу шумѣвшихъ большевиковъ. Черезъ минуту Керенскій говорилъ рѣчь.

Большевики кричали „ура“, казаки покидали посты и смѣшивались съ большевиками, и вскорѣ невозможно было понять, кто другъ и кто врагъ.

Послѣ Керенскаго говорилъ его адъютантъ. Потомъ автомобиль повернулъ и умчался обратно въ Гатчину. Человѣкъ 40 большевиковъ положило оружіе. Остальные отошли на нѣсколько десятковъ сажень и снова запрудили шоссе. Ультиматумъ генерала Краснова исполненъ не былъ.

Только поздно вечеромъ, послѣ обстрѣла, генералъ Красновъ овладѣлъ Царскимъ Селомъ. Вечеромъ же казаки привели трехъ матросовъ-большевиковъ, пойманныхъ съ оружіемъ въ рукахъ на станціи желѣзной дороги. Генералъ Красновъ приказалъ всѣхъ троихъ разстрѣлять, но они разстрѣляны не были. Помощникъ Петроградскаго Главнокомандующаго капитанъ Кузьминъ воспротивился этому. Вообще я долженъ сказать, что не только у капитана Кузьмина, но и у многихъ пріѣзжихъ изъ Петрограда — у комиссаровъ Временнаго Правительства Войтинскаго и Семенова, у члена Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ депутатовъ Фейта — наблюдалось стремленіе бороться съ большевиками, по возможности ихъ щадя, какъ „товарищей“. Казаки возмущались этимъ. Возмущался и Флегонть Клепиковъ. Громко, въ присутствіи Петроградскихъ должностныхъ лицъ, онъ доказывалъ, что побѣдить большевиковъ можно только при рѣшимости пролить кровь съ обѣихъ сторонъ. За эту „преступную пропаганду“ ему при мнѣ былъ сдѣланъ выговоръ Войтинскимъ и Фейтомъ.

День 29-го октября прошелъ спокойно. Генералъ Красновъ ожидалъ подкрѣпленій, которыя ему должны были быть присланы съ фронта. Подкрѣпленія эти не подошли. Царское Село было занято казаками, Павловскъ тоже, но ни въ Царскомъ Селѣ, ни въ Павловскѣ не было возможности организовать, за малочисленностью казачьихъ частей, правильную полицейскую службу. На всѣхъ углахъ раздавались большевистскія рѣчи и на всѣхъ площадяхъ происходили митинги солдатъ и казаковъ. Я обратилъ вниманіе генерала Краснова на опасность такой пропаганды. Онъ съ сожалѣніемъ пожалъ плечами:

— Вы правы. Но что же мнѣ дѣлать? Единственное средство арестовать агитаторовъ. Но Керенскій не согласится на это.

— Развѣ необходимо согласіе Керенскаго?

— Онъ Верховный Главнокомандующій...

На это нечего было возразить.

Я ночевалъ эту ночь у покойнаго нынѣ Плеханова.

Я разсказалъ ему о положеніи ген. Краснова. Онъ выслушалъ меня и спросилъ:

— Что же, если казаки побѣдятъ, Керенскій на бѣломъ конѣ войдетъ въ Петроградъ?

Я промолчалъ. И тогда Плехановъ сказалъ:

— Бѣдная Россія!

Пулковскій бой.

Утромъ 30-го октября ген. Красновъ приказалъ своимъ 600 казакамъ перейти въ наступленіе. Штабъ его былъ перенесенъ изъ Царскаго Села въ деревню Александровку.

Подъ Пулковомъ Троцкій собралъ большія силы. Я не знаю, сколько въ точности было большевиковъ, но во всякомъ случаѣ ихъ число во много разъ превосходило число сражавшихся казаковъ. Артиллеріи у Троцкаго было немного, но огонь его орудій былъ мѣткъ, и Александровка обстрѣливалась безъ перерыва шрапнелью и трехъ-дюймовыми снарядами. Очень скоро наступленіе ген. Краснова остановилось, и большевики начали свои контръ-атаки. Эти контръ-атаки производились цѣпями матросовъ, стремившихся обойти Александровку слѣва и справа. Единственная сотня, находившаяся въ резервѣ, передвигалась постоянно съ лѣваго на правый и наоборотъ флангъ и сражалась вездѣ, гдѣ большевики начинали тѣснить казаковъ. Наши орудія стрѣляли, не умолкая. Это не было, конечно, большое сраженіе, но оно было кровопролитнымъ и чрезвычайно упорнымъ. Я не могу не отмѣтить, что еще до начала его Керенскій изъ Гатчины телеграфировалъ въ Петроградъ, что на слѣдующій день онъ съ казаками войдетъ въ столицу. Не знаю, многіе ли раздѣляли эту его увѣренность.

Около трехъ часовъ дня ген. Красновъ попросилъ меня съѣздить въ Гатчину, къ Керенскому, просить подкрѣпленій. Керенскій мнѣ сказалъ. что части 33-ей и 3-ей финляндской стрѣлковой дивизіи двигаются съ фронта на помощь ген. Краснову. Съ этимъ извѣстіемъ я и вернулся къ вечеру въ штабъ, но въ Александровкѣ засталъ

совсѣмъ другую картину, чѣмъ утромъ. Артиллерійскій огонь большевиковъ сталъ гораздо сильнѣе. Стрѣляли уже шестидюймовыя гаубицы. Царско-сельскій паркъ обстрѣливался частымъ огнемъ. Чтобы попасть въ Александровку, надо было проѣхать черезъ огонь заграждения. Потери казаковъ были очень значительны. Въ самой Александровкѣ свистѣли ружейныя пули. Гдѣ-то очень близко стучалъ непріятельскій пулеметъ. Но ген. Красновъ не отступилъ еще ни на шагъ, и я нашелъ его въ той же избѣ, въ которой оставилъ. И только когда стемнѣло и выстрѣлы стали рѣже, онъ написалъ на клочкѣ бумаги нѣсколько словъ и передалъ мнѣ.

Я прочелъ:

„У насъ нѣтъ больше ни снарядовъ, ни ружейныхъ патроновъ. Что дѣлать?

Я отвѣтилъ карандашомъ:

„Отступать къ Гатчинѣ и ждать обѣщанныхъ подкрѣпленій".

Ген. Красновъ мнѣ сказалъ:

„Я тоже думаю такъ".

Потомъ онъ отдалъ приказъ отступать. Казаки въ полномъ порядкѣ, со всей артиллеріей и обозами, сотня за сотней стали вытягиваться по Гатчинскому шоссе.

Въ Гатчинѣ насъ ожидалъ Керенскій.

Роль Керенскаго.

На другой день, 31-го, Керенскій собралъ военный совѣтъ. На этомъ совѣтѣ, кромѣ него, присутствовали: ген. Красновъ, начальникъ штаба полк. Поповъ, предсѣдатель дивизіоннаго казачьяго комитета есаулъ Ажогинъ, помощникъ Петроградскаго Главнокомандующаго кап. Кузьминъ, комиссаръ Временнаго Правительства Станкевичъ и я.

Керенскій поставилъ вопросъ, можно ли еще защищаться или надлежитъ вступить въ переговоры съ большевиками?

Голоса раздѣлились. Ген. Красновъ, полк. Поповъ и есаулъ Ажогинъ находили, что слѣдуетъ Гатчину защищать. Они указывали на то, что за ночь въ Гатчину под-

везли снаряды и ружейные патроны, что въ Гатчинѣ находится до 800 человѣкъ юнкеровъ и что части 33-ей и 3-ей Финляндской стрѣлковой дивизіи не должны находиться очень далеко, если онѣ дѣйствительно двигаются съ фронта. Кап. Кузьминъ и комиссаръ Станкевичъ были другого мнѣнія. Они говорили, что Гатчинскіе юнкера не согласны идти въ бой, а согласны только нести караульную службу, и что еще до прихода подкрѣпленій Гатчина будетъ окружена. По ихъ мнѣнію, не оставалось иного выхода, какъ сговориться съ большевиками. Когда очередь дошла до меня, я сказалъ, что что бы ни было, но мы обязаны защищать Гатчину до конца. Комиссаръ Станкевичъ спорилъ со мной. Онъ указывалъ, что высшіе государственные интересы требуютъ мира съ большевиками, и что я, не неся отвѣтственности, не отдаю себѣ отчета въ сложности положенія. Керенскій согласился съ нимъ. Онъ сослался на полученную имъ телеграмму отъ „Викжеля“—Союза Желѣзнодорожниковъ, въ которой этотъ союзъ требовалъ прекращенія „братоубійственной войны“ и въ противномъ случаѣ угрожалъ забастовкой. Тутъ же Керенскій приказалъ кап. Кузьмину вступить въ переговоры съ большевиками и послалъ комиссара Станкевича въ Петроградъ для личнаго свиданія съ Троцкимъ.

Въ Гатчинскомъ дворцѣ царили растерянность и безпорядокъ. Верховный Главнокомандующій не отдавалъ приказаній или, отдавая, отмѣнялъ ихъ и потомъ отдавалъ снова. Никто не зналъ, что ему дѣлать. Начиналась паника, и чувствовалось, что дѣло проиграно.

Я не могъ примириться съ этимъ позоромъ. Послѣ окончанія военнаго совѣта я остался съ Керенскимъ съ глазу-на-глазъ. Я сказалъ ему, что, вступая въ переговоры съ большевиками, онъ принимаетъ на себя отвѣтственность неизмѣримую. Я просилъ его подождать хоть нѣсколько часовъ, пока придутъ подкрѣпленія, и предложилъ ему съѣздить на автомобилѣ за ними и, кромѣ того, проѣхать въ расположеніе польскаго корпуса ген. Довборъ-Мусницкаго и приказать ему отъ имени Керенскаго двинуть свой корпусъ на Гатчину. Керенскій мнѣ отвѣтилъ:

— Подкрѣпленія не подойдутъ. Мы окружены. Вы никуда не проѣдете. Большевики васъ убьютъ по дорогѣ.

Я настаивалъ, и Керенскій, наконецъ, согласился. Мнѣ было выдано удостовѣреніе на проѣздъ въ польскій корпусъ и тутъ же былъ изготовленъ приказъ на имя ген. Довборъ-Мусницкаго.

Вечеромъ я прошелъ попрощаться съ Керенскимъ и напомнить ему его обѣщаніе подождать отъ меня извѣстій и воздержаться пока отъ переговоровъ съ большевиками. Керенскій лежалъ на диванѣ въ одной изъ комнатъ Гатчинскаго дворца. Въ каминѣ горѣлъ огонь. У камина, опустивъ головы, молча, въ креслахъ сидѣли его адъютанты поручикъ Виннеръ и капитанъ II-го ранга Кованько.

Керенскій не всталъ, когда я вошелъ. Онъ продолжалъ лежать и, увидѣвъ меня, сказалъ:

— Не ѣздите.

— Почему?

— Вы никуда не доѣдете. Мы окружены.

— Я въ этомъ не увѣренъ.

— Я имѣю свѣдѣнія.

— Я все-таки поѣду.

— Не нужно. Останьтесь здѣсь. Все пропало.

Тогда я сказалъ:

— А Россія?

Онъ закрылъ глаза и почти прошепталъ:

— Россія? Если Россіи суждено погибнуть, она погибнетъ... Россія погибнетъ.... Россія погибнетъ...

Черезъ часъ я уже ѣхалъ по шоссе, по направленію къ Лугѣ, гдѣ, по моимъ расчетамъ, могли быть части 33-й и 3-й Финляндской стрѣлковой дивизіи. Со мной ѣхали Флегонтъ Клепиковъ и комиссаръ 8-й арміи Вендзягольскій.

Роль ген. Черемисова.

Автомобиль, на которомъ я уѣхалъ изъ Гатчины, принадлежалъ моему другу, комиссару VIII арміи Вендзягольскому. Вендзягольскій и Флегонтъ Клепиковъ поѣхали со мной.

Была поздняя осень. Къ вечеру ударилъ морозъ, и дороги заледенѣли. Подъ Лугой, въ лѣсу, выпалъ снѣгъ. Я помню, что, когда ночью мы остановились, чтобы перемѣнить шину, въ темнотѣ, тамъ, куда не хваталъ свѣтъ нашихъ двухъ фонарей, между запорошенными елями, мелькнуло двѣ красныхъ точки—два глаза. Минуту эти два глаза пристально смотрѣли на насъ и потомъ скрылись безъ шума. Я спросилъ Вендзягольскаго:

— Волкъ?

— Нѣтъ, лось.

Кромѣ этого лося, мы до Луги не встрѣтили никого. Гатчина не была окружена со стороны Варшавской дороги. Большевики не угрожали генералу Краснову съ тыла и опасенія Керенскаго, что насъ возьмутъ въ плѣнъ или что мы будемъ убиты, не оправдались. У меня явилась надежда, что я успѣю еще привести войска.

Въ Псковѣ не было обѣщанныхъ Керенскому частей 33-ей и 3-ей Финляндской стрѣлковой дивизіи. Поэтому я рѣшилъ доѣхать до Невеля, гдѣ стоялъ Штабъ 17-го корпуса, командира котораго, генерала Шиллинга, я зналъ за человѣка рѣшительнаго. Я расчитывалъ, что онъ сумѣетъ двинуть части своихъ войскъ на помощь генералу Краснову.

Въ Невелѣ все было спокойно. Генералъ Шиллингъ мнѣ сообщилъ, что его корпусъ почти не тронутъ большевистской пропагандой, и обѣщалъ послать отрядъ въ Гатчину, какъ только получитъ приказаніе отъ Главнокомандующаго Сѣвернымъ фронтомъ генерала Черемисова.

Съ этимъ его обѣщаніемъ я уѣхалъ во Псковъ, къ генералу Черемисову. Въ Псковѣ тоже все еще было спокойно. Но Начальникъ Штаба Сѣвернаго Фронта генералъ Лукирскій и генералъ-квартирмейстеръ генералъ Барановскій сказали мнѣ, что генералъ Черемисовъ, повидимому, сознательно, несмотря на приказанія покойнаго нынѣ генерала Духонина, задерживаетъ отправку войскъ въ Гатчину. Генералъ Лукирскій прибавилъ:

— Если вы явитесь къ нему, я не увѣренъ даже, что онъ васъ не арестуетъ.

Къ генералу Черемисову я не явился.

Я послалъ офицера къ генералу Духонину въ Могилевъ съ донесеніемъ о томъ, что происходитъ во Псковѣ, и, узнавъ въ Штабѣ, что части 33-й и 3-й Финляндской стрѣлковой дивизіи, двигавшіяся съ Юго-Западнаго фронта, должны уже находиться около Луги, выѣхалъ въ Лугу.

Мы не спали 3 ночи. Было холодно. Автомобиль медленно шелъ по снѣгу, и снѣгъ медленно падалъ на автомобиль. Въ деревняхъ насъ останавливали крестьяне и разспрашивали, что произошло въ Петроградѣ и правда-ли, что Керенскій арестованъ. Они возмущались большевиками и говорили, что большевики „забыли Бога".

Я не зналъ еще, что мои страданія напрасны, что, на другой день послѣ моего отъѣзда изъ Гатчины, матросы ворвались во Дворецъ, что Керенскій спасся бѣгствомъ, и что казаки генерала Краснова сдались большевикамъ. Но я почувствалъ, что большевики побѣдили, когда пріѣхалъ въ Лугу.

На улицахъ толпились солдаты. На всѣхъ углахъ говорились рѣчи. Милиціи не было. Въ городѣ царилъ безпорядокъ. Я послалъ Флегонта Клепикова посмотрѣть, что дѣлается на вокзалѣ. Вернувшись, онъ доложилъ мнѣ, что эшелоны 33-й и 3-й Финляндской стрѣлковой дивизій стоятъ на запасныхъ путяхъ, но что много также большевистскихъ солдатъ и что распоряжается ими матросъ Дыбенко, впослѣдствіи большевистскій морской министръ.

Черезъ часъ я увидѣлся съ офицерами 33-й 3-й Финляндской дивизіи.

— Давно вы въ Лугѣ?

— Два дня.

— Почему вы не двигаетесь на Гатчину?

— У насъ нѣтъ опредѣленнаго приказанія.

— Но вы, вѣдь, получили приказаніе отъ генерала Духонина.

— Такъ точно.

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— Генералъ Черемисовъ за эти два дня отдалъ 5 противорѣчивыхъ приказаній. То онъ приказывалъ по-

грузиться, то стоять въ Лугѣ, то опять грузиться, то возвращаться на Юго-Западный фронтъ. Люди истомились и перестали что-либо понимать. Большевики, разумѣется, ведутъ пропаганду. Сбиваютъ ихъ съ толку. Кромѣ того, говорятъ, Гатчина уже пала.

Предсѣдатель дивизіоннаго комитета поручикъ Густавъ, докладывавшій мнѣ это, остановился и ждалъ приказаній. Я спросилъ:

— Но вы желаете сражаться съ большевиками?

— Такъ точно.

— Такъ грузитесь въ вагоны.

— Нашъ штабъ не согласенъ.

— Почему?

— Начальникъ штаба говорилъ, что необходимо приказаніе генерала Черемисова.

— Попросите сюда Начальника Штаба.

Начальникъ Штаба мнѣ повторилъ то, что я услышалъ отъ поручика Густава. Генералъ Черемисовъ не только не содѣйствовалъ, но препятствовалъ продвиженію частей на помощь генералу Краснову.

И когда вечеромъ пришло отъ него приказаніе частямъ 33-й и 3-й Финляндской стрѣлковой дивизій погрузиться обратно на Юго-Западный фронтъ, то люди погрузились безпрекословно, и тѣ еще вѣрныя войска, которыя предназначались для спасенія Петрограда отъ большевиковъ, были двинуты не на Петроградъ, а по направленію къ Пскову.

Какими соображеніями руководился генералъ Черемисовъ, мнѣ неизвѣстно. Быть можетъ, онъ тоже не хотѣлъ защищать Керенскаго. Быть можетъ, онъ сочувствовалъ большевикамъ. Какъ бы то ни было, его приказанія сыграли въ то время рѣшающую роль. Уже не оставалось надежды, что можно двинуть какія бы то ни было вѣрныя части на Петроградъ. Для этого надо было бы арестовать генерала Черемисова. Но кругомъ него были большевики.

Я вернулся во Псковъ. Во Псковѣ уже все измѣнилось. Уже ясно было, что большевики взяли повсюду верхъ. Тѣ же митинги, что и въ Лугѣ, тѣ же рѣчи,

тотъ же уличный хаосъ. Я рѣшилъ возвратиться въ Петроградъ, чтобы посовѣтоваться съ друзьями. Я переодѣлся въ форму пѣхотнаго капитана и въ такомъ видѣ пришелъ на вокзалъ.

Черезъ день я былъ въ Петроградѣ.

Въ пути на Донъ.

Въ Петроградѣ только что закончилось неудачное возстаніе юнкеровъ. Городъ былъ въ страхѣ. Ночью на освѣщенныхъ улицахъ то-и-дѣло слышалась ружейная перестрѣлка. Но это не были вооруженныя столкновенія. Это были шальные выстрѣлы красногвардейцевъ, стрѣлявшихъ только потому, что у нихъ были винтовки. Сопротивленіе патріотовъ въ Петроградѣ было раздавлено. Городъ жилъ надеждой на Донъ. Говорили, что на Дону генералъ Калединъ, атаманъ донскихъ казаковъ, собираетъ армію для похода на Петроградъ.

Ген. Калединъ, какъ и ген. Корниловъ, считался при Керенскомъ контръ-революціонеромъ. Я однако не полагалъ, что любовь къ родинѣ, желаніе возродить русскую армію и недовѣріе къ „Совѣтамъ“ являются доказательствомъ реакціонной политики. Я рѣшилъ ѣхать на Донъ къ ген. Каледину.

Въ серединѣ ноября я съ моимъ другомъ Вендзягольскимъ выѣхалъ черезъ Москву и Кіевъ въ Новочеркасскъ. Флегонтъ Клепиковъ поѣхалъ отдѣльно отъ насъ, но тоже въ Новочеркасскъ. Въ Москвѣ я увидѣлъ сожженныя зданія, зіяющія отверстія въ стѣнахъ и ямы отъ разорвавшихся снарядовъ на мостовыхъ. Москва нѣсколько дней сопротивлялась большевикамъ, но и здѣсь патріоты были побѣждены. Большевики имъ мстили жестоко, особенно офицерамъ. При мнѣ на Курскомъ вокзалѣ, при громкомъ смѣхѣ большевистскихъ солдатъ, подпоручикъ, мальчикъ лѣтъ 20-ти, былъ брошенъ подъ поѣздъ за то, что не желалъ снять погоны.

Отъ Москвы до Кіева мы ѣхали больше пяти дней. Въ двухмѣстномъ купе 1-го класса насъ было 10 человѣкъ, изъ которыхъ 6 бѣжавшихъ съ фронта большевист-

скихъ солдатъ. Эти „товарищи“ все время произносили угрозы по адресу „грязныхъ буржуевъ“ и нѣсколько разъ принимались разспрашивать насъ, кто мы такіе. Мы отвѣчали по-польски, дѣлая видъ, что не понимаемъ русскаго языка. У насъ были фальшивые польскіе паспорта и на фуражкахъ были бѣлые орлы независимой Польши.

За Кіевомъ, на границѣ Области Войска Донского, въ вагонъ ввалились матросы.

— У кого есть оружіе?

У кого находили оружіе, того разстрѣливали на мѣстѣ. Разумѣется, мы были вооружены и, разумѣется, мы не отвѣтили ничего. Черноморскій матросъ выждалъ минуту и потомъ обратился непосредственно къ намъ:

— Есть оружіе?

Мы молча опустили руки въ карманы. Я подумалъ, что на этотъ разъ намъ не уйти отъ разстрѣла. Въ купе воцарилось молчаніе. Мнѣ кажется, что и матросы и солдаты-большевики поняли, что мы будемъ сопротивляться. Тогда одинъ солдатъ сказалъ:

— Это поляки.

— Поляки?... Товарищи, лучше намъ отдайте оружіе, вѣдь все равно казаки отберутъ.

Это „все равно“ было прекрасно. Я хотѣлъ сказать, что казакамъ я съ удовольствіемъ отдамъ свой револьверъ, но Вендзягольскій объяснился за насъ обрихъ:

— Мы поляки. Ѣдемъ на Донъ по дѣламъ польскихъ бѣженцевъ.

И онъ показалъ фальшивыя удостовѣренія.

Когда мы пріѣхали въ Ростовъ, подъ Нахичеванью шелъ бой. Генералъ Калединъ наступалъ отъ Аксайской станицы. Мы оказались въ городѣ, почти осажденномъ. На пустыхъ улицахъ можно было видѣть большевистскихъ солдатъ, поодиночкѣ, неохотно направлявшихся на позиціи, и носилки съ ранеными большевиками. Слышались раскаты орудій, но разрывовъ не было видно. Въ гостинницѣ, гдѣ мы остановились, было много переодѣтыхъ въ штатское офицеровъ. Они ожидали, чѣмъ окончится бой. Я сказалъ одному изъ нихъ:

ДР 9 2724
БИБЛІОТЕКА при ЦК

— Если большевики побѣдятъ, васъ всѣхъ разстрѣляютъ. Почему вы не уходите къ генералу Каледину?

— Какъ выйти изъ города?

Дѣйствительно, какъ выйти изъ города? Чтобы уйти къ казакамъ, надо было пробраться черезъ большевистскія войска. Это тоже грозило разстрѣломъ. По моему, выбора не было. Я посовѣтовался съ Вендзягольскимъ, и мы рѣшили попробовать счастья.

Мы наняли лошадей въ Таганрогъ. И только когда мы выѣхали на большую дорогу, мы приказали извозчику ѣхать не въ Таганрогъ, а по противоположному направленію, къ Аксайской станицѣ.

— Но, баринъ, насъ поймаютъ большевики.

— Богъ милостивъ. Поѣзжай.

Въ открытомъ полѣ не было ни души. Начиналась метель. Снѣгъ сплошною стѣной вился передъ нами. Направо, все ближе и ближе грохотали орудія. Вдругъ изъза снѣжной стѣны, совсѣмъ близко отъ насъ, раздался чей-то повелительный окрикъ:

— Стой!

Извозчикъ остановился.

— Кто такіе?

— Свои.

Я отвѣтилъ „свои“, но я не зналъ, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло — съ казачьимъ карауломъ или съ большевиками. Кто-то въ башлыкѣ и съ винтовкой въ рукахъ подошелъ къ намъ и потребовалъ паспорта. Мы подали наши польскіе документы.

— Ладно. Поѣзжай дальше.

Опять метель. Опять занесенная снѣгомъ большая дорога. Опять громъ орудій. Но извозчикъ, уже улыбаясь, оборачивается ко мнѣ:

— А вѣдь это нашъ, донской, калединецъ.

— Казакъ?

— Такъ точно, казакъ.

Значитъ, мы уже не на большевистской, а на русской землѣ. Въ снѣжномъ туманѣ прямо навстрѣчу намъ выростаетъ конный разъѣздъ.

— Кто такіе?

— Къ ген. Каледину.

— Откуда?

— Изъ Петрограда.

— Съ Богомъ.

Но въ Аксайской станицѣ насъ встрѣтили съ недовѣріемъ. Въ одну минуту нашъ извозчикъ былъ окруженъ толпой казачекъ и казаковъ, и я въ третій разъ услышалъ вопросъ:

— Кто такіе?

— Къ ген. Каледину.

— Зачѣмъ?

— Изъ Петрограда.

— Изъ Петрограда?... А не изъ Ростова ли вы?

— Ну да, мы ѣхали черезъ Ростовъ.

— Какъ же васъ большевики пропустили?... Нѣтъ, тутъ что-то не такъ... Не шпіоны ли вы?

И сейчасъ же со всѣхъ сторонъ раздались голоса:

— Держи ихъ. Это шпіоны!

— Шпіоны... Большевики...

— Большевистскіе офицеры...

— Въ Станичное Управленіе!

— Чего тамъ? Если большевики — разстрѣлять!

Насъ подъ конвоемъ отвели въ Станичное Управленіе. Вендзягольскій вынулъ наши польскіе паспорта, но я подошелъ къ станичному атаману и сказалъ ему правду:

— Я—такой-то. Это мой товарищъ, комиссаръ 8-ой арміи Вендзягольскій. Документы у насъ фальшивые. Доказать мы ничего не можемъ. Но мы ѣдемъ къ ген. Каледину. Если вы не вѣрите намъ, арестуйте насъ и отправьте въ Новочеркасскъ.

Станичный атаманъ, полковникъ Васильевъ, всталъ и протянулъ мнѣ руку.

— Я васъ знаю. Вы — членъ Совѣта Союза Казачьихъ войскъ. Никакихъ удостовѣреній не нужно.

И вошедшіе съ нами въ Станичное Управленіе казаки стали подходить къ намъ и поздравлять съ благополучнымъ пріѣздомъ.

На слѣдующій день мы были въ Новочеркасскѣ.

Донской Гражданскій Совѣтъ.

Въ Новочеркасскѣ, кромѣ нынѣ покойнаго атамана Донскихъ казаковъ генерала Каледина, я засталъ еще генераловъ Алексѣева и Корнилова. Генералъ Алексѣевъ стоялъ во главѣ Донского Гражданскаго Совѣта, имѣвшаго политическое руководительство надъ создавшейся на Дону Добровольческой Арміей. Командовалъ ею ген. Корниловъ.

Добровольческая Армія создавалась съ величайшимъ трудомъ. Не было денегъ. Не было оружія, шинелей и сапогъ. Каждый доброволецъ для того, чтобы попасть на Донъ, долженъ былъ пройти черезъ линію большевистскихъ войскъ. Наконецъ, на Дону не все было спокойно. Если нѣкоторые казачьи полки сражались съ большевиками, то другіе, въ особенности тѣ, которые возвращались съ фронта, приносили съ собой духъ большевистскаго мятежа, и были случаи, когда казаки убивали своихъ офицеровъ. Казачьи полки на фронтѣ очень долго не поддавались большевистской пропагандѣ. Болѣе того, очень долго они усмиряли волненія въ пѣхотѣ. Но когда фронтъ дрогнулъ, когда генералъ Корниловъ былъ арестованъ, когда Керенскій бѣжалъ сначала изъ Петрограда и потомъ изъ Гатчины, когда генералъ Духонинъ былъ убитъ, когда Ленинъ объявилъ, что миръ долженъ быть заключенъ „снизу“, т. е. самой арміей, фронтовые казаки не выдержали и перешли на сторону большевиковъ. Если прибавить къ этому, что русское, не казачье, населеніе Дона, въ частности рабочіе Донецкаго басейна, было сильно заражено большевистскою пропагандою, то станетъ ясно, въ какихъ поистинѣ исключительно тяжелыхъ условіяхъ приходилось генераламъ Алексѣеву и Корнилову создавать надежду Россіи — Добровольческую армію. И несмотря на всѣ затрудненія, цѣною безчисленныхъ жертвъ, армія эта все-таки создалась. Большевики не смогли уничтожить ее. Она сражается съ ними до сихъ поръ и именно благодаря ей, мы, русскіе, имѣемъ право сказать, что никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ мы не положи-

ли оружія передъ германо-большевиками. Благодаря ей была спасена честь РОССІИ.

„Донской Гражданскій Совѣтъ“ въ то время (декабрь 1917 года) состоялъ исключительно изъ такъ называемыхъ „буржуазныхъ“ элементовъ. Въ него входили, кромѣ генераловъ Каледина, Алексѣева и Корнилова, разстрѣлянный впослѣдствіи большевиками помощникъ Атамана донскихъ казаковъ Богаевскій, бывшій министръ торговли и промышленности Федоровъ и „кадеты“ Парамоновъ, Степановъ, Струве и другіе. Въ программѣ своей, однако, Донской Гражданскій Совѣтъ утверждалъ принципъ народнаго суверенитета, т. е. Учредительнаго Собранія. Само собой разумѣется, что онъ оставался вѣренъ союзникамъ и не признавалъ Брестъ-Литовскаго мира.

Отмежеваніе отъ демократіи составляло политическую ошибку. Оно давало поводъ обвинять „Донской Гражданскій Совѣтъ“ въ замаскированной реакціонности. Даже „Совѣтъ Союза Казачьихъ войскъ“, представлявшій умѣренную казачью демократію, былъ недоволенъ политикой генераловъ Алексѣева, Каледина и Корнилова.

Въ бесѣдахъ съ ними я старался убѣдить ихъ, что въ „Донской Гражданскій Совѣтъ“ необходимо включить демократическіе элементы и что только такимъ путемъ можно привлечь на свою сторону казачью массу. Послѣ долгихъ переговоровъ генералы Алексѣевъ, Калединъ и Корниловъ согласились со мной, причемъ наибольшее сочувствіе я встрѣтилъ въ ген. Корниловѣ. Въ „Донской Гражданскій Совѣтъ“ въ концѣ декабря вошли четыре соціалиста и демократа: членъ Донского Круга независимый соціалистъ Агеевъ, Предсѣдатель Крестьянскаго Союза Мазуренко, Комиссаръ VIII-й Арміи Вендзягольскій и я. Тогда же была напечатана декларація, снова заявлявшая о необходимости созыва Учредительнаго Собранія и утверждавшая право народа на землю.

Въ Новочеркасскѣ политическія страсти были обострены. Съ одной стороны подготавливалась большевистская революція, вспыхнувшая въ началѣ марта. Съ другой, намѣчалось въ нѣкоторыхъ офицерскихъ кругахъ монархическое движеніе. Каждый вечеръ въ городѣ разда-

вались выстрѣлы. Каждый день производились аресты. До какой степени политическая атмосфера была напряжена, показываютъ слѣдующіе примѣры. Мой другъ Вендзягольскій однажды въ 6 часовъ вечера возвращался домой по главной улицѣ Новочеркасска. Неизвѣстный человѣкъ въ штатскомъ догналъ его на извозчикѣ, остановился и выстрѣлилъ въ него три раза изъ револьвера. Я помню также, что въ ночь подъ Рождество генералы Алексѣевъ и Корниловъ, адъютанты и я вышли послѣ засѣданія изъ дворца атамана. Когда мы поровнялись съ городскимъ садомъ, изъ-за рѣшетки раздались выстрѣлы. Кто-то стрѣлялъ почти въ упоръ, ибо пуль не было слышно, но были видны въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, на высотѣ человѣческаго роста, голубоватыя молніи выстрѣловъ. И я помню еще случай, происшедшій со мной.

Я жилъ съ Флегонтомъ Клепиковымъ и Вендзягольскимъ.

Однажды утромъ Флегонтъ Клепиковъ доложилъ мнѣ, что меня желаетъ видѣть неизвѣстный офицеръ-артиллеристъ. Я попросилъ войти. Вошелъ молодой человѣкъ, очень блѣдный и весь увѣшанный оружіемъ. Кромѣ обычныхъ сабли и револьвера, на поясѣ его я замѣтилъ еще карабинъ Маузера и за поясомъ большой черкесскій кинжалъ. Онъ не сѣлъ, несмотря на мое приглашеніе, а очень взволнованный подошелъ вплотную ко мнѣ. Потомъ Флегонтъ Клепиковъ мнѣ признался, что во время нашего разговора онъ стоялъ за полуоткрытою дверью, съ револьверомъ наготовѣ.

— Чѣмъ могу служить?

Офицеръ долго не могъ произнести ни слова. Я повторилъ:

— Въ чемъ дѣло?

— Васъ убьютъ.

— Это не такъ легко сдѣлать.

Офицеръ отступилъ на шагъ. Мнѣ стало жалко его, я видѣлъ, что у него не хватаетъ рѣшимости.

— Но вѣдь вотъ я, напримѣръ, я могу васъ убить...

— Попробуйте.

— Я вооруженъ, а вы нѣтъ...

— Во-первыхъ, я тоже вооруженъ. Во-вторыхъ, если бы даже Вамъ удалось меня убить, Вы живымъ не выйдете изъ этой квартиры. Въ-третьихъ, что это все значитъ?

Офицеръ сѣлъ и, опустивъ глаза, избѣгая моего взгляда, сказалъ:

— Есть группа монархистовъ, которая рѣшила Васъ убить. Я пришелъ Васъ предупредить...

— Съ цѣлымъ арсеналомъ оружія?

Офицеръ пролепеталъ въ полномъ смущеніи:

— Вы донесете полиціи?

Мнѣ снова стало жалко его:

— Нѣтъ, я не донесу. Уходите.

Онъ ушелъ. Черезъ нѣсколько дней я выѣхалъ въ Петроградъ. „Донской Гражданскій совѣтъ“ поручилъ мнѣ войти въ сношеніе съ нѣкоторыми извѣстными демократическими дѣятелями, въ томъ числѣ съ Чайковскимъ. Я долженъ былъ предложить имъ пріѣхать на Донъ и принять участіе въ засѣданіяхъ „Совѣта“. Мнѣ было выдано удостовѣреніе за подписью генерала Алексѣева. Я зашилъ его въ полушубокъ, а въ карманъ положилъ фальшивый паспортъ: чтобы проѣхать въ Петроградъ, надо было снова пройти черезъ линію большевистскихъ войскъ. Флегонтъ Клепиковъ поѣхалъ со мной. Когда мы уѣзжали, контръ-развѣдка предупредила меня, что мой отъѣздъ извѣстенъ большевикамъ, и что, по полученнымъ свѣдѣніямъ, меня большевики арестуютъ въ Воронежѣ, гдѣ устроена ими засада.

Я доѣхалъ благополучно до Петрограда и, исполнивъ возложенное на меня „Донскимъ Гражданскимъ Совѣтомъ“ порученіе, выѣхалъ въ Москву, чтобы изъ Москвы вернуться на Донъ. Но на Дону вспыхнула большевистская революція. Ростовъ и Новочеркасскъ были взяты большевиками, генералы же Алексѣевъ и Корниловъ увели небольшую добровольческую армію въ донскія степи, откуда она съ боемъ пробилась на Сѣверный Кавказъ. Я оказался отрѣзаннымъ отъ „Донского Гражданскаго Совѣта“ и даже не зналъ, существуетъ ли онъ еще, или члены его разстрѣляны при взятіи Новочеркасска. Я рѣшилъ остаться въ Москвѣ.

Союзъ Защиты Родины и Свободы.

Въ началѣ марта 1918 года, кромѣ небольшой добровольческой арміи, въ Россіи не было никакой организованной силы, способной бороться противъ большевиковъ. Учредительное Собраніе было разогнано. Слабая попытка партіи соціалистовъ-революціонеровъ защитить его окончилась неудачей. Чехо-Словаки еще не выступали. Въ Петроградѣ и Москвѣ царили уныніе и голодъ. Казалось, что страна подчинилась большевикамъ, несмотря на униженіе Брестъ-Литовскаго мира.

Однако, кое-что дѣлалось въ городахъ. Въ Москвѣ я разыскалъ тайную монархическую организацію, объединившую человѣкъ 800 офицеровъ, главнымъ образомъ, гвардейскихъ и гренадерскихъ полковъ. Она возглавлялась нѣсколькими видными общественными дѣятелями и ставила себѣ цѣлью подготовить вооруженное возстаніе въ столицѣ. Программа ея не совпадала съ программой „Донского Гражданскаго Совѣта". Московская организація опредѣленно отмежевывалась отъ демократіи и мечтала о конституціонной монархіи въ Россіи. Кромѣ того, впослѣдствіи нѣкоторые изъ руководителей ея, ослѣпленные кажущимися успѣхами нѣмцевъ во Франціи, измѣнили союзникамъ и стали доказывать необходимость соглашенія съ нѣмецкимъ посломъ въ Москвѣ графомъ Мирбахомъ. Къ чести русскаго офицерства нужно сказать, что эти заигрыванія съ врагомъ привели къ расколу организаціи, ибо среди зарегистрованныхъ 800 офицеровъ едва ли нашлось 60 человѣкъ, которые согласились пойти по германофильской дорогѣ.

Ознакомившись съ программой и цѣлями указанной выше организаціи, я рѣшилъ положить начало тайному обществу для борьбы противъ большевиковъ по программѣ „Донскаго Гражданскаго Совѣта". Я снова напомню ее. Она заключала четыре пункта: отечество, вѣрность союзникамъ, Учредительное Собраніе, земля народу. Я нашелъ неоцѣненнаго помощника въ лицѣ полковника артиллеріи Перхурова. Мы начали съ нимъ съ того, что отыскали въ

Москвѣ и объединили всѣхъ офицеровъ и юнкеровъ, прибывшихъ съ Дона и отрѣзанныхъ, какъ и я, отъ добровольческой арміи. Изъ этого первоначальнаго немногочисленнаго ядра образовался впослѣдствіи „Союзъ Защиты Родины и Свободы". Въ этотъ „Союзъ" мы принимали всѣхъ, кто подписывался подъ нашей программой и кто давалъ обѣщаніе съ оружіемъ въ рукахъ бороться противъ большевиковъ. Партійная принадлежность была для насъ безразлична. Насколько въ „Союзѣ" обединились люди разныхъ партій и направленій, видно изъ состава нашего Штаба. Союзомъ завѣдывалъ я, независимый соціалистъ; во главѣ вооруженныхъ силъ стоялъ генералъ-лейтенантъ Рычковъ, конституціонный монархистъ. Начальникомъ Штаба былъ полковникъ Перхуровъ, конституціонный монархистъ; начальникомъ оперативнаго отдѣленія былъ полковникъ У., республиканецъ; начальникомъ мобилизаціонного отдѣла—штабъ-ротмистръ М., соціалъ-демократъ группы Плеханова; начальникомъ развѣдки и контръ-развѣдки полковникъ Бреде, нынѣ разстрѣлянный, республиканецъ; начальникомъ отдѣла сношеній съ союзниками бывшій унтеръ-офицеръ (brygadier) французской службы Дикгофъ-Деренталь, соціалистъ-революціонеръ; начальникомъ агитаціоннаго отдѣла бывшій депутатъ Н. Н., соціалъ-демократъ меньшевикъ; начальникомъ террористическаго отдѣла Х., соціалистъ-революціонеръ; начальникомъ иногородняго отдѣла нынѣ убитый военный докторъ Григорьевъ, соціалистъ-демократъ группы Плеханова; начальникомъ конспиративнаго отдѣла N., соціалистъ-демократъ меньшевикъ; начальникомъ отдѣла снабженія штаба капитанъ Р., республиканецъ; секретарь Флегонтъ Клепиковъ, независимый соціалистъ.

Мы имѣли право сказать, что у насъ нѣтъ правыхъ и лѣвыхъ, и что мы осуществили „Священный Союзъ" во имя любви къ отечеству. Мы имѣли также право сказать, что не отклонились отъ программы „Донского Гражданского Совѣта".

Въ апрѣлѣ, когда добровольческой арміей былъ взятъ Екатеринодаръ, я послалъ офицера къ генералу Алексѣеву съ донесеніемъ о томъ, что въ Москвѣ обра-

зовался „Союзъ защиты Родины и Свободы“, и съ просьбою указаній. Генералъ Алексѣевъ отвѣтилъ мнѣ, что одобряетъ мою работу. Тогда же, въ апрѣлѣ, „Союзъ“ впервые получилъ денежную поддержку. Она пришла отъ чехо-словаковъ, и была возможность приступить къ организаціи на широкихъ началахъ.

Мы формировали отдѣльныя части всѣхъ родовъ оружія. Въ основу формированій былъ положенъ конспиративный принципъ съ одной стороны и принципъ кадровъ съ другой. Нормальный кадръ пѣхотнаго полка принимался нами въ 86 человѣкъ (полковой командиръ, полковой адъютантъ, четыре батальонныхъ, шестнадцать ротныхъ и шестьдесятъ четыре взводныхъ командировъ). Полковой командиръ зналъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ, взводный зналъ только своего ротнаго командира. Всѣ офицеры получали жалованье отъ Штаба Союза и несли только двѣ обязанности: хранить абсолютную тайну и по приказу явиться на сборный пунктъ для вооруженнаго выступленія. Полки были дѣйствительной службы изъ кадровыхъ офицеровъ и резервные изъ офицеровъ военнаго времени. Студенты и рабочіе зачислялись въ особые полки ополченія. Къ концу мая мы насчитывали въ Москвѣ и въ 34 провинціальныхъ городахъ Россіи до 5.500 человѣкъ, сформированныхъ по этому образцу, пѣхоты, артиллеріи, кавалеріи и саперовъ. Одновременно съ этимъ наша контръ-развѣдка обслуживала германское посольство, Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ, Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, Чрезвычайную комиссію по борьбѣ съ контръ-революціей, большевистскій штабъ и другія подобныя учрежденія. Ежедневно мы имѣли сводку свѣдѣній о передвиженіяхъ нѣмецкихъ и большевистскихъ войскъ и о мѣрахъ, принимаемыхъ Троцкимъ, Ленинымъ и К-о. Кромѣ того, мы имѣли своихъ агентовъ на Украинѣ, т. е. въ мѣстностяхъ, занятыхъ нѣмецкими войсками.

Въ Петроградѣ члены „Союза“ работали во флотѣ, чтобы привести корабли въ негодность, если нѣмцы войдутъ въ Петроградъ. Въ Кіевѣ они организовывали партизанскую борьбу въ тылу нѣмцевъ: Въ Москвѣ они под-

готовляли убійство Ленина и Троцкаго и готовились къ вооруженному выступленію. Разумѣется, многіе изъ насъ жили по фальшивымъ, изготовленнымъ нами самими, паспортамъ. Разумѣется, встрѣчаться приходилось на конспиративныхъ квартирахъ. Разумѣется, каждый неосторожный шагъ могъ повести къ разстрѣлу. Вернулись времена Николая II-го. Но при Николаѣ II-омъ революціонеры должны были опасаться только полиціи. При большевикахъ мы были окружены шпіонами-добровольцами. У кого бѣлыя руки, тотъ не можетъ скрыть, что онъ „буржуй". Каждый же „буржуй" подозрителенъ, какъ таковой. Если прибавить къ этому постоянные обыски, „уплотненіе" квартиры, когда къ вамъ поселяютъ „товарищей" красноармейцевъ, полицейскую затрудни-тельность передвиженій, голодъ, хозяйничанье на улицахъ латышей и матросовъ и полное отсутствіе какихъ-бы то ни было гарантій неприкосновенности личности, то станетъ ясно, что тѣ, кто записывался въ „Союзъ", не на словахъ, а на дѣлѣ доказывалъ свою любовь къ родинѣ и вѣрность союзникамъ.

Когда „Союзъ" выросъ настолько, что уже представлялъ собою значительную организованную силу, всталъ вопросъ о подчиненіи его политическому центру. Военная сила не можетъ имѣть существеннаго значенія безъ политическаго руководства. Коллективнаго же политическаго руководительства „Союзомъ" не было. Образовавшійся въ Москвѣ весной 1918 г. „лѣвый центръ" предложилъ мнѣ поэтому вступить въ него въ качествѣ члена. Я посовѣтовался со Штабомъ „Союза" и отказался. „Лѣвый Центръ" былъ именно только лѣвымъ. Онъ не осуществлялъ священнаго союза лѣвыхъ и правыхъ для спасенія отечества. Онъ состоялъ исключительно изъ соціалистическихъ и лѣвыхъ кадетскихъ элементовъ, и гегемонія въ немъ принадлежала партіи соціалистовъ-революціонеровъ. „Лѣвый центръ" впослѣдствіи положилъ начало „Союзу Возрожденія Россіи", подготовилъ Уфимскую Конференцію и нѣкоторые изъ членовъ его образовали недолго просуществовавшую Директорію, которую смѣнило Правительство Адмирала Колчака.

Отказавшись войти въ „Лѣвый Центръ“, я принялъ предложеніе, исходившее отъ другой политической организаціи, образовавшейся въ Москвѣ той-же весной. Я говорю о „Національномъ Центрѣ“. „Національный Центръ“ пытался, какъ и „Союзъ защиты Родины и Свободы“, объединить и лѣвыхъ и правыхъ. Его программа совпадала съ программой „Донского Гражданскаго Совѣта“. Изъ него выросъ впослѣдствіи „Національный Союзъ“. Этому „Національному Центру“ и подчинились вооруженныя силы „Союза защиты Родины и Свободы“, и по постановленію его было приступлено къ вооруженному выступленію. Это вооруженное выступленіе произошло не въ Москвѣ, ибо нѣмцы угрожали занятіемъ ея въ случаѣ сверженія большевиковъ. Оно произошло въ Рыбинскѣ, Ярославлѣ и Муромѣ. Въ немъ не участвовали ни чехословаки, ни сербы, ни другіе союзники и друзья. Оно было сдѣлано исключительно русскими силами—членами „Союза Защиты Родины и Свободы“.

Подъ покровомъ конспираціи.

Работать въ тайномъ обществѣ всегда трудно. Работать, когда васъ разыскиваютъ, еще труднѣе. Работать, когда вы ставите себѣ задачей вооруженное выступленіе, значитъ каждый день рисковать своей жизнью.

Поэтому я не могу не вспомнить съ чувствомъ глубокаго уваженія о тѣхъ изъ моихъ друзей, которые были арестованы большевиками и разстрѣляны въ Москвѣ лѣтомъ 1918 г.

Въ частности, я бы хотѣлъ, чтобы русскіе люди сохранили память о двухъ жертвахъ большевистскаго террора: о доблестномъ командирѣ 1-го Латышскаго стрѣлковаго полка, георгіевскомъ кавалерѣ, полковникѣ Бреде, благодаря трудамъ котораго по контръ-развѣдкѣ мы и союзники были всегда освѣдомлены о томъ, что дѣлается у большевиковъ и у нѣмцевъ, и о не менѣе доблестномъ корнетѣ Сумскаго гусарскаго полка, тоже георгіевскомъ кавалерѣ, Виленкинѣ. Виленкинъ былъ разстрѣлянъ толь-

ко за то, что отказался указать адресъ Штаба „Союза Защиты Родины и Свободы".

Аресты начались въ концѣ мая. До этого времени мы жили спокойно и „Союзъ" развивался, не тревожимый большевистской полиціей. Впослѣдствіи Троцкій, лично допрашивая одного изъ арестованныхъ членовъ „Союза", капитана Пинку, высказывалъ удивленіе, что въ Москвѣ могло создаться тайное общество, и что онъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ не былъ освѣдомленъ объ этомъ. Эта неосвѣдомленность Троцкаго доказываетъ несовершенство большевистекой „Чрезвычайной Комиссіи по борьбѣ съ контръ-революціей", но она доказываетъ также, что среди членовъ „Союза" не было предателей и доносчиковъ.

Когда я говорю, что мы жили спокойно, это не надо понимать въ буквальномъ смыслѣ слова. Я помню, какъ однажды я и Флегонтъ Клепиковъ были окружены матросами, и какъ намъ пришлось проходить мимо часовыхъ, и какъ Флегонтъ Клепиковъ остановился и попросилъ у одного изъ нихъ огня, чтобы закурить папиросу. Я помню, какъ въ другой разъ, въ домъ, въ которомъ мы жили, пришли большевики дѣлать обыскъ, и какъ я и Флегонтъ Клепиковъ спустились въ нижній этажъ, въ чужую квартиру, и въ этой чужой квартирѣ, гдѣ насъ приняли какъ друзей, ожидали прихода большевиковъ. Я помню также, какъ ночью на улицѣ меня и Флегонта Клепикова остановили пятеро вооруженныхъ красногвардейцевъ и потребовали оружіе, и какъ мы стрѣляли, и какъ двое большевиковъ упало. Но это были мелочи ежедневной жизни. Настоящая опасность началась съ пріѣздомъ въ Москву германскаго посла графа Мирбаха. Съ его пріѣздомъ начались и аресты.

Уже въ серединѣ мая полковникъ Бреде предупредилъ меня, что въ германскомъ посольствѣ сильно интересуются „Союзомъ" и въ частности мною. Онъ сообщилъ мнѣ, что по свѣдѣніямъ графа Мирбаха, я въ этотъ день вечеромъ долженъ быть въ Денежномъ переулкѣ на засѣданіи „Союза" и что поэтому Денежный переулокъ будетъ оцѣпленъ. Свѣдѣнія графа Мирбаха были ложны: въ этотъ вечеръ у меня не было засѣданія, и въ Денеж-

номъ переулкѣ я никогда не жилъ и даже никогда не бывалъ. На всякій случай я послалъ офицера провѣрить сообщеніе полковника Бреде.

Офицеръ, дѣйствительно, былъ остановленъ заставой. Когда его обыскивали большевики, онъ замѣтилъ, что они говорятъ между собой по-нѣмецки. Тогда онъ по-нѣмецки же обратился къ нимъ. Старшій изъ нихъ, унтеръ-офицеръ, услышавъ нѣмецкую рѣчь, вытянулся во фронтъ и сказалъ: „Zum Befehl, Herr Leutenant".

Не оставалось сомнѣнія въ томъ, что нѣмцы работаютъ вмѣстѣ съ большевиками.

Штабъ „Союза" помѣщался въ Молочномъ переулкѣ. Точнѣе говоря, это была конспиративная квартира Штаба. Собирались мы на общія засѣданія въ другихъ мѣстахъ и, кромѣ того, каждый изъ насъ имѣлъ для свиданія свою особую, конспиративную квартиру. Но въ Молочномъ переулкѣ былъ истинный центръ „союза". Докторъ Григорьевъ открылъ подъ чужимъ именемъ медицинскій кабинетъ, куда ходили настоящіе больные, но который посѣщали и всѣ, кто имѣлъ надобность въ Штабѣ. Постоянно въ кабинетѣ дежурилъ кто-либо изъ начальниковъ отдѣловъ, тамъ же постоянно бывалъ полковникъ Перхуровъ, туда же часто заходилъ и я. Спѣшныя, не терпящія отлагательства дѣла рѣшались въ Молочномъ переулкѣ, тамъ уплачивалось жалованіе, оттуда исходили всѣ приказанія текущаго дня. Арестовать медицинскій кабинетъ въ Молочномъ переулкѣ, значило почти парализовать дѣятельность „Союза". 30-го мая утромъ меня вызвали къ телефону.

— Кто говоритъ?

— Сарра.

Большевики наблюдали за телефономъ и поэтому мы употребляли въ разговорахъ условный языкъ. „Сарра" значило полковникъ Перхуровъ.

— Въ чемъ дѣло?

— Въ больницѣ эпидемія тифа.

Есть смертные случаи?

— Умерли всѣ больные.

— Докторъ заболѣлъ тоже.

— Нѣтъ, докторъ просилъ вамъ передать, чтобы вы берегли себя.

— Благодарю васъ.

Я повѣсилъ трубку. Флегонтъ Клепиковъ спросилъ меня:

— Арестованы?

— Да.

Это было большое несчастье. Я не хотѣлъ помириться въ мыслью, что трехмѣсячные труды пропали безъ пользы, и что „Союзъ“ разгромленъ большевиками. И во всякомъ случаѣ, я не хотѣлъ уѣзжать изъ Москвы.

Къ вечеру выяснилось, что арестовано въ Молочномъ переулкѣ и въ другихъ мѣстахъ въ городѣ до 100 членовъ „Союза“, но выяснилось также, что не арестованъ ни одинъ изъ начальниковъ отдѣловъ. Полковникъ Перхуровъ, Дикгофъ-Деренталь, докторъ Григорьевъ, полковникъ Бреде и другіе были цѣлы и невредимы. Это давало полную возможность продолжать дѣло.

На другой день въ большевистскихъ газетахъ появилось официальное сообщеніе о томъ, что „гидра контръ-революціи“ раздавлена. Появилось также описаніе моей наружности. Это описаніе почему-то было перепечатано нѣкоторыми, хотя и не большевистскими, но крайними лѣвыми газетами. Послѣ этого, Флегонтъ Клепиковъ, никогда не покидавшій меня, сталъ носить револьверъ не въ карманѣ, а въ рукавѣ, чтобы въ случаѣ нужды было удобнѣе отстрѣливаться отъ большевиковъ. Ему не пришлось стрѣлять, хотя однажды мы встрѣтились лицомъ къ лицу съ комиссаромъ народнаго просвѣщенія Луначарскимъ и въ другой разъ съ комиссаромъ финансовъ Менжинскимъ. Въ обоихъ случаяхъ не мы, а комиссары поспѣшили скрыться, уклоняясь отъ какихъ-либо мѣръ по отношенію къ намъ, „контръ-революціенерамъ“.

Опасности въ такихъ встрѣчахъ не было. Полиція на улицахъ почти отсутствовала, а сами комиссары, разумѣется, никогда не могли бы рѣшиться попытаться насъ задержать.

Въ іюнѣ былъ выработанъ окончательный планъ вооруженнаго выступленія.

Предполагалось въ Москвѣ убить Ленина и Троцкаго, и для этой цѣли было установлено за ними обоими наблюденіе. Одно время оно давало блестящіе результаты. Одно время я бесѣдовалъ съ Ленинымъ черезъ третье лицо, бывавшее у него. Ленинъ распрашивалъ это третье лицо о „Союзѣ“ и обо мнѣ, и я отвѣчалъ ему и разспрашивалъ его объ его планахъ. Не знаю, былъ ли онъ также остороженъ въ своихъ отвѣтахъ, какъ и я въ своихъ.

Одновременно съ уничтоженіемъ Ленина и Троцкаго предполагалось выступить въ Рыбинскѣ и Ярославлѣ, чтобы отрѣзать Москву отъ Архангельска, гдѣ долженъ былъ происходить союзный дессантъ.

Согласно этого плана, союзники, высадившись въ Архангельскѣ, могли бы безъ труда занять Вологду и, опираясь на взятый нами Ярославль, угрожать Москвѣ. Кромѣ Рыбинска и Ярославля, предполагалось также завладѣть Муромомъ (Владимирской губ.), гдѣ была большевистская Ставка и, если возможно, Владимиромъ на востокъ отъ Москвы и Калугой на югъ. Преполагалось также выступить и въ Казани. Такимъ образомъ, нанеся ударъ въ Москвѣ, предполагалось окружить столицу возставшими городами и, пользуясь поддержкой союзниковъ на сѣверѣ и чехословаковъ, взявшихъ только что Самару, на Волгѣ, поставить большевиковъ въ затрудительное въ военномъ смыслѣ положеніе.

Планъ этотъ удался только отчасти. Покушеніе на Троцкаго не удалось. Покушеніе на Ленина удалось лишь на половину: Дора Каплант, нынѣ разстрѣлянная, ранила Ленина, но не убила. Въ Калугѣ возстаніе не произошло, во Владимирѣ тоже. Въ Рыбинскѣ оно окончилось неудачей. Но Муромъ былъ взятъ, но Казань была тоже взята, хотя и чехо-словаками, и, главное, Ярославль не только былъ взятъ „Союзомъ“, но и держался 17 дней, время болѣе чѣмъ достаточное для того, чтобы союзники могли подойти изъ Архангельска. Однако, союзники не подошли.

Для исполненія этого плана я съ Диктофъ-Дерентальемъ и Флегонтомъ Клепиковымъ въ концѣ іюня выѣхалъ

изъ Москвы въ Рыбинскъ. Я полагалъ, что главное значеніе имѣетъ Рыбинскъ, ибо въ Рыбинскѣ были сосредоточены большіе запасы боевого снаряженія. Поэтому я не поѣхалъ въ Ярославль, а послалъ туда полковника Перхурова.

Я не очень надѣялся на удачное возстаніе въ Ярославлѣ и почти былъ увѣренъ, что зато мы безъ особеннаго труда овладѣемъ Рыбинскомъ. Какъ я уже сказалъ выше, намъ было важнѣе овладѣть Рыбинскомъ, чѣмъ Ярославлемъ. Въ Рыбинскѣ было много артиллеріи и снарядовъ. Въ Ярославлѣ не было почти ничего. Съ другой стороны, въ Рыбинскѣ наше тайное общество насчитывало до 400 членовъ, отборныхъ офицеровъ кадровыхъ и военнаго времени, большевистскій же гарнизонъ былъ немногочисленъ. Въ Ярославлѣ соотношеніе силъ было гораздо хуже. Организація была качественно ниже и количественно слабѣе, чѣмъ въ Рыбинскѣ, а большевистскихъ частей было больше. Чтобы увеличить наши Ярославскія силы, я распорядился послать изъ Москвы нѣсколько сотъ человѣкъ въ Ярославль. Полковникъ Перхуровъ имѣлъ задачей, овладѣвъ Ярославлемъ, держаться до прихода артиллеріи, которую мы должны были ему подвезти изъ Рыбинска.

Какъ это часто бываетъ, произошло какъ разъ обратно тому, чего мы ждали. Въ Рыбинскѣ возстаніе было раздавлено, въ Ярославлѣ оно увѣнчалось успѣхомъ. Полковникъ Перхуровъ взялъ городъ и, несмотря на рыбинскую неудачу, почти безъ артиллеріи держался 17 дней противъ превышавшихъ его силъ въ 10 разъ, присланныхъ изъ Москвы, большевистскихъ частей. Въ Ярославскихъ бояхъ особенно отличились полковникъ Масло, полковникъ Гопперъ и подполковникъ Ивановскій.

Изъ Москвы я съ Дикгофомъ-Дерепталемъ проѣхалъ въ Ярославль и тамъ вмѣстѣ съ полковникомъ Перхуровымъ разработалъ планъ Ярославскаго возстанія. Цѣнную поддержку полковникъ Перхуровъ нашелъ въ лицѣ рабочаго-механика, соціалъ-демократа меньшевика Савинова. Савиновъ поручился, что рабочее населеніе Ярославля во всякомъ случаѣ не выступитъ противъ насъ

и даже, вѣроятно, окажетъ намъ помощь. Вообще, я долженъ сказать, что уже тогда въ сѣверной Россіи почти все населеніе и не только деревень, но и городовъ относилось съ глубокой ненавистью къ большевикамъ. Ждали бѣлогвардейцевъ, ждали чехо-словаковъ, ждали французовъ и англичанъ. При неорганизованности патріотовъ и при наличіи большевистскаго террора, населеніе, конечно, не смѣло открыто выступать противъ большевиковъ. Но достаточно было бы одного крупнаго успѣха, напримѣръ, взятія Рыбинска съ его складами боевого матеріала, или появленія одной бригады англо-французовъ, чтобы населеніе начало вооружаться. Въ Ярославлѣ вооружиться было нечѣмъ: безъ артиллеріи нѣтъ возможности выиграть бой. Приходится удивляться не тому, что полковникъ Перхуровъ не разбилъ подъ Ярославлемъ большевиковъ, а тому, что почти безъ снарядовъ онъ смогъ продержаться 17 дней. Онъ расчитывалъ на англо-французскую помощь. Она не пришла.

Изъ Ярославля я съ Диктофомъ-Деренталемъ проѣхалъ въ Рыбинскъ, гдѣ засталъ нынѣ разстрѣляннаго полковника Бреде. Я провѣрилъ силы Рыбинской организаціи. Они были достаточны для возстанія. Я провѣрилъ силы большевиковъ. Они были невелики. Я освѣдомился о настроеніи рабочихъ. Оно было удовлетворительно. Я справился о настроеніи окрестныхъ крестьянъ. Оно было хорошее. Я подсчиталъ количество имѣвшагося въ нашемъ распоряженіи оружія. Оно было достаточно для того, чтобы взять артиллерійскіе склады.

Взявъ артиллерійскіе склады, предполагалось двинуться съ артиллеріей на городъ.

Въ ночь на 6-е іюля полковникъ Перхуровъ выступилъ въ Ярославлѣ. 7-го мы узнали, что Ярославль въ его рукахъ. Въ ночь на 8-е я приказалъ выступить въ Рыбинскѣ. Нашъ штабъ находился на окраинѣ города въ квартирѣ маленькаго торговца. Жилъ я въ квартирѣ другого торговца, на берегу Волги, у самыхъ большевистскихъ казармъ. Ночью мы собрались въ Штабъ и ровно въ 1 часъ раздался первый ружейный выстрѣлъ. Но уже въ 2 часа мой адъютантъ доложилъ мнѣ, что въ сущно-

сти бой проигранъ. Мы были преданы. Большевикамъ стали извѣстны наши сборные пункты и конные большевистскіе разъѣзды были на всѣхъ дорогахъ, ведущихъ къ артиллерійскимъ складамъ. Несмотря на это артиллерійскіе склады были взяты. Но когда члены нашей организаціи двинулись, вооружившись, на Рыбинскъ, они встрѣтили заготовленные заранѣе пулеметы. Имъ пришлось отойти. Къ утру, понеся большія потери, они вышли за городъ и окопались въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Рыбинска.

Когда рано утромъ, убѣдившись, что бой проигранъ безповоротно, мы вышли изъ штаба, было совсѣмъ свѣтло. Куда идти? Пулеметы трещали безъ перерыва и надъ головой свистѣли пули. Жители, чувствуя, что побѣда останется за большевиками, въ страхѣ отказывались насъ принимать. Мы остались посреди города, не зная, гдѣ намъ укрыться. Тогда мы рѣшили пройти пѣшкомъ въ указанную намъ деревню, гдѣ жилъ рекомендованный Рыбинской организаціей купецъ. Дикгофъ-Деренталь, Флегонтъ Клепиковъ и я двинулись въ путь. Едва мы вышли изъ города, какъ снова попали подъ большевистскій огонь. Едва мы вышли изъ сферы огня, какъ наткнулись на большевистскій патруль. Но мы были одѣты рабочими. Патруль не обратилъ на насъ никакого вниманія. Такъ мы прошли верстъ 20, пока не отыскали, наконецъ, нужную намъ деревню.

Но и здѣсь мы встрѣтили затрудненія. Сынъ указаннаго намъ организаціей купца былъ раненъ въ бою у артиллерійскихъ складовъ. Раненый, истекая кровью, онъ нашелъ въ себѣ силы добраться домой. Онъ лежалъ теперь, въ ожиданіи, что по его слѣдамъ вотъ-вотъ придутъ большевики, чтобы его арестовать, Несмотря на это, онъ предложилъ намъ гостепріимство. Выбирать было не изъ чего. Мы поблагодарили его и остались. Мы не вошли въ домъ, а расположились въ саду.

Бой въ Рыбинскѣ былъ безповоротно проигранъ, но Ярославль продолжалъ держаться. Я послалъ офицера къ полковнику Перхурову, чтобы сообщить ему о рыбинской неудачѣ. Офицеръ до полковника Перхурова не доѣхалъ: онъ былъ арестованъ большевиками. Для меня бы-

но ясно, что безъ артиллеріи Ярославль долго обороняться не можетъ. Но я тоже надѣялся на помощь союзниковъ — на Архангельскій англо-французкій дессантъ. Поэтому было рѣшено, что оставшіяся силы рыбинской организаціи будутъ направлены на партизанскую борьбу съ цѣлью облегчить положеніе полковника Перхурова въ Ярославлѣ. Въ ближайшіе послѣ 8-го іюля дни нами былъ взорванъ пароходъ съ большевистскими войсками на Волгѣ, былъ взорванъ поѣздъ со снарядами, направлявшійся въ Ярославль и былъ испорченъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ желѣзнодорожный путь Ярославль-Бологое. Эти мѣры затруднили перевозку большевистскихъ частей со стороны Петрограда, но мы не смогли воспрепятствовать перевозкѣ изъ Москвы. Троцкій же, понимая всю важность происходящихъ событій, напрягалъ всѣ усилія, чтобы съ помощью Московского гарнизона овладѣть Ярославлемъ. Онъ овладѣлъ имъ только тогда, когда городъ былъ совершенно разрушенъ артиллерійскимъ огнемъ.

Одновременно, 8-го іюля, наша Муромская организація произвела возстаніе въ Муромѣ и взяла большевистскую ставку. Исполнивъ эту демонстративную задачу, Муромскій отрядъ, подъ начальствомъ доктора Григорьева и подполковника Сахарова, съ боемъ ушелъ изъ города и походнымъ порядкомъ дошелъ до Казани, которая въ началѣ августа была взята чехо-словаками.

Такъ окончилось возстаніе въ Рыбинскѣ, Ярославлѣ и Муромѣ, организованное „Союзомъ Защиты Родины и Свободы“. Его нельзя назвать удачнымъ, но оно не было безполезнымъ. Впервые, не на Дону и не на Кубани, а въ самой Россіи, почти въ окрестностяхъ Москвы, русскіе люди, безъ помощи кого бы то ни было, возстали противъ большевиковъ и тѣмъ доказали, что не всѣ русскіе мирятся съ національнымъ позоромъ Брестъ-Литовскаго мира и что не всѣ русскіе склоняются передъ терроромъ большевиковъ. Честь была спасена. Слава тѣмъ, которые пали въ бою.

Снова въ пути.

Подъ Рыбинскомъ невозможно было оставаться долгое время. Ежеминутно могли явиться большевики и арестовать насъ всѣхъ. Мы купили телѣгу и лошадь и двинулись въ дорогу. Куда? Мы не могли бы точно сказать... По направленію въ Москвѣ. Я хотѣлъ знать, что предполагаетъ „Національный Центръ“ и думалъ, что намъ надо пробираться въ Казань на соединеніе съ нашей казанской организаціей. Я послалъ Дикгофа-Деренталя въ Москву съ докладомъ „Національному Центру“,а Флегонта Клепикова въ Казань предупредить о моемъ пріѣздѣ. Нѣсколько дней до возвращенія Дикгофа-Деренталя я рѣшилъ переждать въ деревнѣ. Меня пріютилъ у себя, въ Новгородской губерніи, г. Н.

Я не зналъ, что Казань уже взята чехо-словаками, и рѣшилъ ѣхать на Волгу, надѣясь, что казанская организація будетъ счастливѣе, чѣмъ рыбинская, и что мы своими силами возьмемъ городъ. Въ теченіе всего мая и іюня штабъ „Союза Защиты Родины и Свободы“ постепенно эвакуировалъ часть своихъ членовъ изъ Москвы въ Казань. По моимъ расчетамъ, на Волгѣ уже должны были быть сосредоточены достаточныя силы для возстанія противъ большевиковъ. Я не могъ примириться съ рыбинской неудачей и съ ярославскимъ полууспѣхомъ. Въ моихъ глазахъ борьба не была закончена, а была только начата.

Я съ Дикгофомъ-Деренталемъ проѣхалъ изъ Новгородской губерніи въ Петроградъ. Петроградъ уже тогда, т. е. въ концѣ іюля 1918 г., казался умирающимъ городомъ. Пустыя улицы, грязь, закрытые магазины, вооруженные ручными гранатами матросы и въ особенности многочисленные нѣмецкіе офицеры, съ видомъ побѣдителей гулявшіе по Невскому проспекту, свидѣтельствовали о томъ, что въ городѣ царятъ „Совѣты“ и Апфельбаумъ-Зиновьевъ.

Въ Петроградскомъ отдѣленіи „Союза Защиты Родины и Свободы“ мнѣ приготовили фальшивый большевистскій паспортъ. Въ этомъ паспортѣ было сказано, что я,

„товарищъ такой-то“, делегатъ Комиссаріата Народнаго Просвѣщенія, ѣду въ Вятскую губернію по дѣламъ колоніи „пролетарскихъ“ дѣтей. Я переодѣлся большевикомъ: рубаха, поясъ, высокіе сапоги, фуражка со снятой кокардой. Въ такомъ видѣ я и N. N. выѣхали въ Нижній Новгородъ. Газеты уже были полны сообщеніями о разстрѣлахъ въ Ярославлѣ и Рыбинскѣ.

Въ Нижнемъ Новгородѣ насъ на вокзалѣ остановили и потребовали разрѣшенія на въѣздъ. Разрѣшенія мы не имѣли, но я вынулъ свой магическій паспортъ за фальшивой подписью самого Луначарскаго, и „товарищи“ безпрекословно пропустили насъ на пароходную пристань. Пароходъ отходилъ утромъ и долженъ былъ идти до Казани. Но на пристани я узналъ, что Казань уже взята чехо-словаками и что бои идутъ выше Казани, въ районѣ Свіяжска. И дѣйствительно, на другой день, къ вечеру, пароходъ остановился въ Васильсурскѣ и не пошелъ дальше. Всѣ пассажиры вышли на берегъ. Вышли и мы. Отъ Васильсурска до Казани около 400 верстъ и нѣтъ желѣзной дороги.

На пароходѣ къ намъ присоединились два офицера, тоже члены „Союза Защиты Родины и Свободы“. Мы наняли лошадей и отправились на юго-востокъ, по направленію къ Казани, въ городъ Ядринъ.

Въ Ядринъ мы пріѣхали ночью и сейчасъ же были арестованы красноармейцами.

— Кто ѣдетъ?

— Свои.

— Буржуи?

— Нѣтъ, „товарищи“.

— Въ участокъ!

Въ участкѣ я засталъ человѣкъ 20 красноармейцевъ и снова вынулъ свой магическій паспортъ. Они хотѣли его прочесть, но ни одинъ изъ нихъ не зналъ грамотѣ. Послали за какимъ-то молодымъ человѣкомъ, въ штатскомъ. Онъ началъ громко читать: „По постановленію Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ Сѣверной Коммуны товарищъ такой-то...“

— Такъ вы не буржуй?

— Я же вамъ сказалъ, что я „товарищъ“.

— А ваши спутники?

— Тоже товарищи.

— Ну, это другое дѣло... А то третьяго дня мы поймали двухъ бѣлогвардейцевъ... Много ихъ здѣсь шляется...

— Что вы съ ними сдѣлали?

— Разстрѣляли, конечно.

Ночевали мы у красноармейцевъ въ избѣ и до 3-хъ часовъ ночи я вынужденъ былъ разговаривать съ „товарищами“ о положеніи дѣлъ въ Петроградѣ. Мы не расходились въ мнѣніяхъ.

Утромъ я пошелъ въ „Совѣтъ“ представляться. Меня встрѣтилъ предсѣдатель совѣта, молодой человѣкъ, конторщикъ или писецъ, лѣтъ 19-ти.

Онъ познакомилъ меня съ начальникомъ гарнизона, унтеръ-офицеромъ, бѣжавшимъ съ фронта, и съ начальникомъ Чрезвычайной комиссіи по борьбѣ съ контръ-революціей, который напоминалъ собой сыщика при старомъ режимѣ. Я въ третій разъ вынулъ свой магическій паспортъ и произнесъ „товарищамъ“ рѣчь. Я поблагодарилъ ихъ за порядокъ и благоустройство въ городѣ Ядринѣ и за бдительность милиціи, арестовавшей меня, и обѣщалъ по возвращеніи въ Петроградъ доложить самому Троцкому о томъ раѣ, который я нашелъ въ ихъ глухомъ углу. „Товарищи“ съ удовольствіемъ слушали меня. Когда я кончилъ, Предсѣдатель спросилъ:

— Чѣмъ мы можемъ быть вамъ полезны, товарищъ?

Чѣмъ они могли быть полезны? Я отвѣтилъ:

— У меня паспортъ, выданный Сѣверной Коммуной. Теперь я нахожусь в предѣлахъ Нижегородской Совѣтской Республики. Вы будете очень любезны, если выдадите мнѣ отъ себя соотвѣтствующее удостовѣреніе.

Мнѣ было выдано настоящее, за настоящимъ номеромъ и за настоящими подписями, удостовѣреніе, въ которомъ снова излагалось, что я, „товарищъ такой-то, ѣду по дѣламъ „колоніи пролетарскихъ дѣтей“ въ Вятскую губернію. Въ тотъ же день я купилъ тарантасъ, телѣгу и двухъ лошадей, и мы покинули Ядринъ.

Повсемѣстно, на всѣхъ дорогахъ, можно было встрѣтить большевистскія банды. До Казани ѣхать было далеко и много было шансовъ, что насъ арестуютъ снова. Я расчиталъ, что если мы переправимся на лѣвый берегъ Волги и поѣдемъ лѣсами, то, быть можетъ, избѣгнемъ нежелательныхъ встрѣчъ. Въ лѣсахъ скрываться, разумѣется, легче. Въ лѣсахъ и защищаться болѣе удобно. Мы были вооружены. И мы твердо рѣшили избѣгнуть разстрѣла.

Крестьяне встрѣчали насъ съ подозрѣніемъ. Но подозрѣніе это было обратно тому, къ которому мы привыкли. Крестьяне принимали насъ за большевиковъ, и намъ въ деревняхъ приходилось доказывать, что мы не большевики, а бѣлогвардейцы и что мы ѣдемъ сражаться противъ красныхъ. Тогда отношеніе къ намъ сразу мѣнялось. Намъ указывали „тихія“, т. е. безопасныя проселочныя дороги. Насъ укрывали, когда проходилъ слухъ о приближеніи большевистскихъ разъѣздовъ. Насъ кормили. Насъ разспрашивали съ надеждой о Дутовѣ. Здѣсь, въ глуши Казанской губерніи, среди малограмотныхъ и живущихъ за сотни верстъ отъ желѣзной дороги крестьянъ, я часто слышалъ то слово, отъ котораго я отвыкъ въ городахъ. Это слово—Россія. Послѣ чужихъ и иностранныхъ словъ „интернаціоналъ“, „капитализмъ“, „пролетаріатъ“, которыми такъ богата теперь русская городская рѣчь, было радостно слышать людей, говорившихъ о Родинѣ и возмущавшихся большевиками не только за красный терроръ, но и за униженіе Брестъ-Литовскаго мира и за поруганіе Россіи. Въ одной изъ деревень я спросилъ:

— Россію уничтожаютъ?

— Уничтожаютъ.

— Церкви грабятъ?

— Да, грабятъ.

— Поповъ разстрѣливаютъ?

— Да, разстрѣливаютъ.

— Васъ разстрѣливаютъ?

— Да, разстрѣливаютъ.

— Хлѣбъ отбираютъ?

— Да, отбираютъ.

— Почему вы не возстаете?

Молодой крестьянинъ, разговаривавшій со мной, пожалъ плечами и спросилъ меня въ свою очередь:

— Ты былъ на фронтѣ?

— Былъ.

— Въ бояхъ былъ?

— Былъ.

— Какой же бой безъ артиллеріи?

Это была правда. Какой же бой безъ артиллеріи? Кое-гдѣ въ деревняхъ сохранились винтовки, принесенныя съ фронта. Кое-гдѣ сохранились даже и пулеметы. Но съ винтовками и пулеметами нельзя бороться противъ 3-хъ и 6-и дюймовыхъ пушекъ. Кромѣ того, какъ сорганизоваться крестьянамъ? Дорогъ почти нѣтъ. Почты нѣтъ. Телеграфа въ сущности тоже нѣтъ. Есть толпы людей, ненавидящихъ большевиковъ, но не вооруженныхъ и не объединенныхъ въ воинскія части. И хотя крестьянскія возстанія и происходили и все время происходятъ въ Россіи, но не эти возстанія могутъ уничтожить военную силу большевиковъ.

Но если крестьянскія возстанія не могутъ уничтожить военную силу большевиковъ, то настроеніе крестьянъ доказываетъ, что дѣло Троцкаго, Ленина и К-о неизбѣжно будетъ проиграно. Нынѣ въ Россіи деревня борется съ городомъ. И исходъ этой борьбы предрѣшенъ заранѣе.

На третій день нашего путешествія мы переправились черезъ Волгу и потонули въ лѣсахъ. Я говорю „потонули“: мы 5 сутокъ ѣхали лѣсомъ и не видно было ему конца. Стояло лѣто—безоблачно жаркіе дни. Среди густой заросли мелкой осины, между стволами широколиственныхъ дубовъ, между мачтами строевыхъ сосенъ, вилась однообразная, узкая, наѣзженная „тихая“ дорога. Утромъ, и въ полдень, и вечеромъ, день за днемъ, передъ нами вилась эта дорога, и на ней никогда никого не было видно, ни красныхъ, ни бѣлыхъ, ни объѣздчиковъ, ни крестьянъ. Только къ ночи чувствовалось, что лѣсъ не пустыня и что въ глубинѣ его, въ дикой чащѣ, есть живыя, невидимыя намъ существа. Волки и рыси.

А когда мы, наконецъ, выѣхали въ поля, Казань была уже недалеко. Надо было пройти черезъ линіи боль-

шевистскихъ войскъ. Я приказалъ развязать колокольчики. Такъ съ колокольцами, крупною рысью, мы проѣхали между двумя батареями красноармейцевъ и насъ не остановилъ никто. На солнцѣ горѣли купола казанскихъ церквей и вонзалась въ небо башня татарской царицы. На шоссе, у водопровода, стоялъ караулъ. Это были чехо-словаки.

„Комитетъ Учредительнаго Собранія".

Когда въ іюнѣ 1918 г. чехо-словаки взяли Самару, на Волгѣ образовался „Комитетъ Членовъ Учредительнаго Собранія", предсѣдателемъ котораго былъ Вольскій, впослѣдствіи вступившій въ соглашеніе съ большевиками. Комитетъ этотъ осуществлялъ функціи правительства и состоялъ исключительно изъ соціалистовъ-революціонеровъ. Такимъ образомъ, благодаря чешско-словацкимъ штыкамъ, партія соціалистовъ-революціонеровъ снова оказалась у власти.

Новое правительство приступило къ формированію „народной арміи" изъ поволжскихъ крестьянъ. Сначала, когда въ рядахъ этой арміи сражались отдѣльныя чешско-словацкія и сербскія части, успѣхъ сопутствовалъ начинаніямъ „Комитета Учредительнаго собранія": были взяты Сызрань, Симбирскъ и Казань. Впослѣдствіи, когда Троцкій сосредоточилъ большія силы на Волгѣ и когда чехо-словаковъ, сербовъ и русскихъ волонтеровъ (главнымъ образомъ офицеровъ) оказалось недостаточно для борьбы съ большевиками, дѣла пошли хуже: мобилизованные крестьяне разбѣгались въ лѣса или отказывались сражаться. Были даже случаи возстаній въ полкахъ. Эта неустойчивость „народной арміи" происходила не отъ сочувствія крестьянскаго населенія къ большевикамъ. Наоборотъ, поволжскіе крестьяне опредѣленно высказывались противъ „товарищей". Она происходила отъ того, что „Комитетъ Учредительнаго Собранія" во многомъ повторялъ ошибки Керенскаго. Достаточно указать, что въ теченіе перваго мѣсяца дисциплинарная власть не была возвращена офицерамъ и что, поэтому, дисциплина въ войскахъ отсутствовала. Достаточно указать также, что

Самарская контръ-развѣдка не столько интересовалась большевиками, сколько офицерами, разыскивая между ними конституціонныхъ монархистовъ.

Я не могу не отмѣтить здѣсь, что если русское офицерство доблестно сражалось на Волгѣ, то чехо-словаки и сербы оказали лѣтомъ 1918 г. неоцѣнимую услугу Россіи —услугу, которую русскіе никогда не забудутъ. Благодаря чехо-словакамъ и сербамъ, была очищена отъ большевиковъ Сибирь. Въ годы тяжкой и кровавой смуты славяне не забыли славянъ. Имена Массарика, Крамаржа, Бенеша, Чермака, Стефаника, Швеца и другихъ навсегда останутся въ памяти благодарной Россіи.

Въ Казани я засталъ Флегонта Клепикова. Онъ былъ адъютантомъ у начальника гарнизона, генералъ-лейтенанта Рычкова, члена „Союза Защиты Родины и Свободы“. Кромѣ генералъ-лейтенанта Рычкова, въ небольшой арміи, защищавшей Казань, было много членовъ „Союза“: изъ 7 участковъ боевого фронта четыре было подъ ихъ командой. Въ Казани же я встрѣтилъ начальника штаба „Союза“ полковника Перхурова и члена „Союза“ подполковника Ивановскаго, геройски защищавшихъ Ярославль и спасшихся по Волгѣ, на лодкѣ. И хотя всѣ они были недовольны „Комитетомъ Учедительнаго Собранія“ за его слабость и хотя всѣ они вступили въ „Союзъ“ для поддержки не партійнаго, а общенаціональнаго правительства, прибывъ въ Казань, я немедленно распустилъ „Союзъ“. Я находилъ, что тайное общество должно и можетъ существовать только въ той части Россіи, которая занята большевиками. „Комитетъ Учредительнаго Собранія“, однако, отнесся къ намъ безъ благожелательства и довѣрія.

Политической борьбѣ не было мѣста. Каковъ бы ни былъ „Комитетъ Учредительнаго Собранія“ и каковы бы ни были его уполномоченные въ Казани, каждый русскій долженъ былъ поддерживать то правительство, которое взяло на себя тяжкій трудъ бороться съ большевиками. Я уѣхалъ на фронтъ, въ отрядъ полковника Каппеля, дѣйствовавшаго подъ Казанью, на правомъ берегу Волги.

Отрядъ этотъ выдѣлилъ изъ себя небольшую кавалерійскую часть (100 сабель и 2 легкихъ орудія) для операцій въ тылу большевистскихъ войскъ. Я присоединился къ этому эскадрону.

Намъ была поставлена задача по возможности испортить комуникаціонныя линіи большевиковъ. Исполняя ее, я снова увидѣлъ гражданскую войну во всей ея жестокости. Гражданская война, конечно, не большая война. Конечно, наши бои на Волгѣ даже отдаленно не напоминаютъ боевъ подъ Львовомъ или подъ Варшавой. Но не нужно забывать, что въ нашихъ бояхъ русскія деревни горѣли, зажженныя русскими снарядами, что надъ нашими головами свистѣли русскія пули, что русскіе разстрѣливали русскихъ и что русскіе рубили саблями русскихъ. Не нужно забывать также, что у насъ не было санитарнаго матеріала, не было хлѣба для насъ и овса для лошадей. И не нужно забывать еще, что большевики не брали плѣнныхъ.

Я сказалъ, что мы, русскіе, дрались съ русскими. Это не совсѣмъ вѣрно. Въ большевистскихъ рядахъ было много латышей, венгерцевъ и нѣмцевъ. Было также много нѣмецкихъ инструкторовъ. Мы вели войну не только съ большевиками. Мы вели войну также съ нѣмцами.

Во время этого небольшого похода я воочію убѣдился снова, что крестьяне цѣликомъ на нашей сторонѣ. Они встрѣчали насъ, какъ избавителей, и они не хотѣли вѣрить тяжелой дѣйствительности, когда намъ пришлось отступать. Слѣдомъ за нами двигались большевики, которые разстрѣливали всѣхъ, уличенныхъ въ сочувствіи намъ. Война, которая 3 года продолжалась на границахъ Россіи, перенеслась въ ея сердце. Большевики обѣщали миръ и дали самую жестокую изъ всѣхъ извѣстныхъ человѣчеству войнъ. Нейтральнымъ оставаться было нельзя. Надо было быть или краснымъ или бѣлымъ. Крестьяне понимали это. Но у насъ не было оружія, чтобы вооружить ихъ, и въ Самарѣ не было людей, способныхъ построить армію не на рѣчахъ, а на дисциплинѣ.

Началась осень. Листъ пожелтѣлъ и было холодно вечерами. Эскадронъ, состоявшій на три четверти изъ офицеровъ, уже четвертыя сутки дѣйствовалъ въ тылу у большевиковъ. О насъ уже знали. Уже не разъ въ синемъ небѣ летали непріятельскіе аэропланы. Уже не разъ крестьяне предупреждали насъ, что большевики устраиваютъ засаду, чтобы уничтожить весь нашъ немно-

гочисленный отрядъ. Но каждый день мы взрывали полотно желѣзной дороги, рубили телеграфные столбы, разстрѣливали отдѣльныхъ большевиковъ и давали бои небольшимъ большевистскимъ частямъ, и серьезнаго сопротивленія не встрѣчали нигдѣ. Съ зарею мы бывали уже на коняхъ и съ утра продолжали свой путь по необозримымъ приволжскимъ полямъ, прячась отъ аэроплановъ въ лѣсахъ. И, наконецъ, мы наткнулись на приготовленную засаду. Я былъ свидѣтелемъ и участникомъ „боя", котораго, вѣроятно, никогда не происходило на западномъ фронтѣ.

Изъ деревни, въ которой мы стояли въ тотъ день, былъ виденъ желѣзнодорожный путь. За линіей желѣзной дороги возвышались холмы. Въ полдень на горизонтѣ появился дымокъ и мы различили блиндированный паровозъ. Онъ остановился. Мы не стрѣляли. Изъ вагоновъ стала выгружаться пѣхота, человѣкъ 500, если не больше. Но вмѣсто того, чтобы выстроиться цѣпью и попробовать насъ атаковать, люди собрались на одномъ изъ холмовъ. Мы все еще не стрѣляли. Мы не могли повѣрить своимъ глазамъ: начинался большевистскій митингъ. Мы видѣли ораторовъ, махавшихъ руками, и до насъ доносилось заглушенное одобрительное „ура". Очевидно, ораторъ доказывалъ, что не слѣдуетъ идти въ бой. И только когда митингъ былъ уже въ полномъ разгарѣ, мы открыли пулеметный огонь по холму. Черезъ нѣсколько минутъ весь холмъ былъ покрытъ человѣческими тѣлами, а блиндированный паровозъ заднимъ ходомъ уходилъ обратно, откуда пришелъ, Уходя онъ обстрѣливалъ насъ. Ему отвѣчали наши орудія, пока не загорѣлся одинъ изъ вагоновъ, и поѣздъ весь въ пламени и въ дыму не скрылся за поворотомъ. Тогда нашъ капитанъ скомандовалъ: „къ сѣдламъ", и мы выѣхали на холмъ, гдѣ только что происходилъ митингъ. У меня не было шинели. Я взялъ одну. Она была въ крови.

Паденіе Казани.

Черезъ недѣлю я вернулся въ Казань. Въ Казани начинались ея послѣдніе дни. Въ Самарѣ правительство было занято приготовленіемъ къ Уфимскому Совѣщанію.

Войсками, защищавшими Казань, командовалъ полков-

никъ Степановъ, но ему не были подчинены чехо-словацкія части. Ему не былъ также подчиненъ отрядъ полковника Каппеля, дѣйствовавшій на правомъ берегу Волги. Такимъ образомъ, въ почти осажденномъ городѣ не было единства командованія. Полковникъ Степановъ телеграфировалъ Самарскому Правительству объ этомъ, указывая, что онъ не можетъ при этихъ условіяхъ въ полной мѣрѣ отвѣчать за защиту города. Самарское Правительство оставило его телеграмму безъ отвѣта.

Въ первыхъ числахъ сентября положеніе въ Казани было таково. Троцкій сосредоточилъ въ ея окрестностяхъ армію свыше 30.000 человѣкъ при 150 орудіяхъ. Казанскій же гарнизонъ не достигалъ и 5.000 при 70 орудіяхъ. Большевики взяли Верхній Услонъ, высоту, господствующую надъ городомъ, и обстрѣливали, какъ предмѣстье, такъ и самый городъ. Казанскіе рабочіе волновались. Среди нихъ работали большевистскіе агенты. Чувствовалось, что съ минуты на минуту въ городѣ можетъ произойти возстаніе. Оно и произошло за нѣсколько дней до сдачи. Флегонтъ Клепиковъ, явившійся усмирять рабочихъ, былъ тяжело раненъ, и я лишился его неоцѣнимой помощи. Но возстаніе было подавлено, и оборона продолжалась, несмотря на бомбардировку.

Не бомбардировка была страшна. Положеніе было затруднительно тѣмъ, что чешко-словацкія части(1-й полкъ подъ командою доблестнаго, нынѣ покойнаго, полковника Швеца) понесли огромныя потери и крайне нуждались въ отдыхѣ, мобилизованные же Самарскимъ Правительствомъ крестьяне, необученные, небывавшіе никогда въ огнѣ и не подчиненные строгой дисциплинѣ, сражались плохо или не сражались вовсе. Защищали Казань, послѣ смѣны чехо-словаковъ, въ сущности одни офицеры и добровольцы. Къ нимъ въ послѣдній день присоединились вооруженные граждане, стойко умиравшіе на своихъ постахъ, но часто даже не умѣвшіе стрѣлять изъ винтовки. Несмотря на это, городъ могъ держаться довольно долго. Такъ я думалъ. Такъ думалъ и полковникъ Перхуровъ, командовавшій однимъ изъ боевыхъ участковъ, такъ думало и большинство офицеровъ. Наканунѣ паденія Казани я верхомъ поѣхалъ на участокъ полковника Перхурова.

Ѣхать пришлось по улицамъ, на которыхъ рвались снаряды. Выѣхавъ за городъ, я увидѣлъ ровное поле безъ окоповъ и, конечно, безъ проволочныхъ загражденій. Это поле обстрѣливалось съ волисскихъ холмовъ и здѣсь, подъ обстрѣломъ, неприкрытый ничѣмъ, находился отрядъ полковника Перхурова. Самъ полковникъ Перхуровъ со своимъ штабомъ расположился въ домѣ, видномъ со всѣхъ сторонъ.

— Какъ вы можете здѣсь держаться?

— Вотъ, держимся до сихъ поръ.

Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ насъ разорвался снарядъ, и деревянный домъ задрожалъ.

— Вы довольны своими людьми?

— Очень.

— Какъ вы думаете, можно продолжать оборону?

— Конечно, можно.

— Но вы вѣдь знаете, что большевики уже обстрѣливаютъ Казань?

— Они обстрѣливали и Ярославль.

Это была правда. Но въ Ярославлѣ была надежда на помощь союзниковъ, въ Казани же помощи не могло придти ниоткуда: бои шли также и подъ Симбирскомъ и, говорили даже, что Симбирскъ взятъ.

Я не знаю, какія именно соображенія заставили сдать Казань, но 10-го сентября вечеромъ полковникъ Степановъ приказалъ войскамъ отступать, несмотря на то, что въ 1 часъ дня было расклеено объявленіе, обѣщавшее жителямъ, что Казань не будетъ сдана. Тогда началось то, что бываетъ при спѣшной эвакуаціи.

Ночью, въ полной темнотѣ, по Лаишевской, единственной еще открытой дорогѣ, потянулись бѣженцы изъ Казани. По офиціальнымъ подсчетамъ, ихъ было свыше 70 тысячъ. Шли женщины, шли дѣти, шли старики. Они шли, оставивъ все имущество дома, голодные, усталые, и не зная, куда именно они идутъ. Войска съ орудіями и обозами отходили одновременно, и Лаишевская большая дорога представляла собою сплошную стѣну двигавшихся въ одномъ направленіи людей. Я удивляюсь, почему большевики не обстрѣляли ее.

За Казанью пали Симбирскъ, Самара и Сызрань. Весь

волжскій фронтъ былъ потерянъ. Самарское Правительство не удержало того, что завоевали чехо-словаки.

Первый періодъ борьбы съ большевиками былъ законченъ. Къ осени 1918 г. фронтъ проходилъ по уральскимъ горамъ. На югѣ, правда, была армія генерала Деникина. Но армія эта не подвигалась впередъ. Не было надежды, чтобы казаки и добровольцы, несмотря на всю ихъ доблесть, смогли своими силами освободить Москву отъ большевиковъ. Стоялъ вопросъ рѣшающаго значенія: сможетъ ли Сибирь создать армію или нѣтъ. Этотъ вопросъ былъ важнѣе тѣхъ вопросовъ, которые обсуждались на совѣщаніи въ Уфѣ и, можетъ быть, сущность переворота, происшедшаго въ Омскѣ въ ноябрѣ 1918 года, заключается въ томъ, что сибиряки не вѣрили, что Директорія сумѣетъ организовать дисциплинированную военную силу. Ее сорганизовалъ адмиралъ Колчакъ.

Путь по Волгѣ на Симбирскъ былъ отрѣзанъ. Я на лошадяхъ проѣхалъ до Бугульмы и черезъ Бугульму въ Уфу. Въ Уфѣ происходило Государственное Совѣщаніе. На Совѣщаніи этомъ было сказано много рѣчей. Но рѣчи эти не остановили большевиковъ. Уфа была взята.

1917-й годъ былъ праздникомъ Русской Революціи. До большевистскаго переворота въ Россіи было много людей, которые вѣрили, что русская революція ускоритъ побѣду Союзниковъ и дастъ Россіи прочный, почетный и выгодный миръ. Надеждамъ этимъ не было суждено оправдаться. 1918, 1919 и 1920 годы принесли съ собою позоръ Брестъ-Литовскаго мира и гражданскую, безпощадную и съ неравными силами, войну.

Въ своихъ страданіяхъ Россія становится чище и тверже. И я не только вѣрю, но знаю, что, когда минуетъ смутное время, Россія, Великая Федеративная Республика Русская, въ которой не будетъ помѣщиковъ и въ которой каждый крестьянинъ будетъ имѣть клочокъ земли въ собственность, будетъ во много разъ сильнѣе, свободнѣе и богаче, чѣмъ та Россія, которою правили Распутинъ и Царь. Но сколько крови еще прольется.

КОНЕЦЪ.

5

Universitätsbibliothek Basel